ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ
«МУРОМСКИЙ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ»

Ю. М. СМИРНОВ, И. А. ЦЕНИЛОВ, А. А. ГОРСКАЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ МУРОМСКОГО КРЕМЛЯ 1678 ГОДА

Владимир
2014

УДК 35+72.1+908(470)+34
ББК 26.89+63.3(2)46+68.8+85.113(2)1
С-50
Ц-37
Г-67

С-50, Ц-37, Г-67 Ю. М. Смирнов, И. А. Ценилов, А. А. Горская. Реконструкция муромского кремля 1678 года / Ред. Т. Б. Купряшина. – 38 С.: 9 ил. – Библиограф. 104 назв.
ISBN

В работе впервые представлена научная реконструкция одного из муромских кремлей конца XVII века. Рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

Работа выполнена по Президентскому гранту для поддержки творческих проектов в области культуры и искусства 2013 года. Проект «Муромский кремль XVII века. Реконструкция».

УДК 35+72.1+908(470)+34
ББК 26.89+63.3(2)46+68.8+85.113(2)1
ISBN

На обложке: Спасская башня муромского кремля 1678 года. Реконструкция. Компьютерная графика И. А. Ценилов.

© ГБУК ВО «Муромский историко-художественный музей»
© Смирнов Ю. М.
© Ценилов И. А.
© Горская А. А.

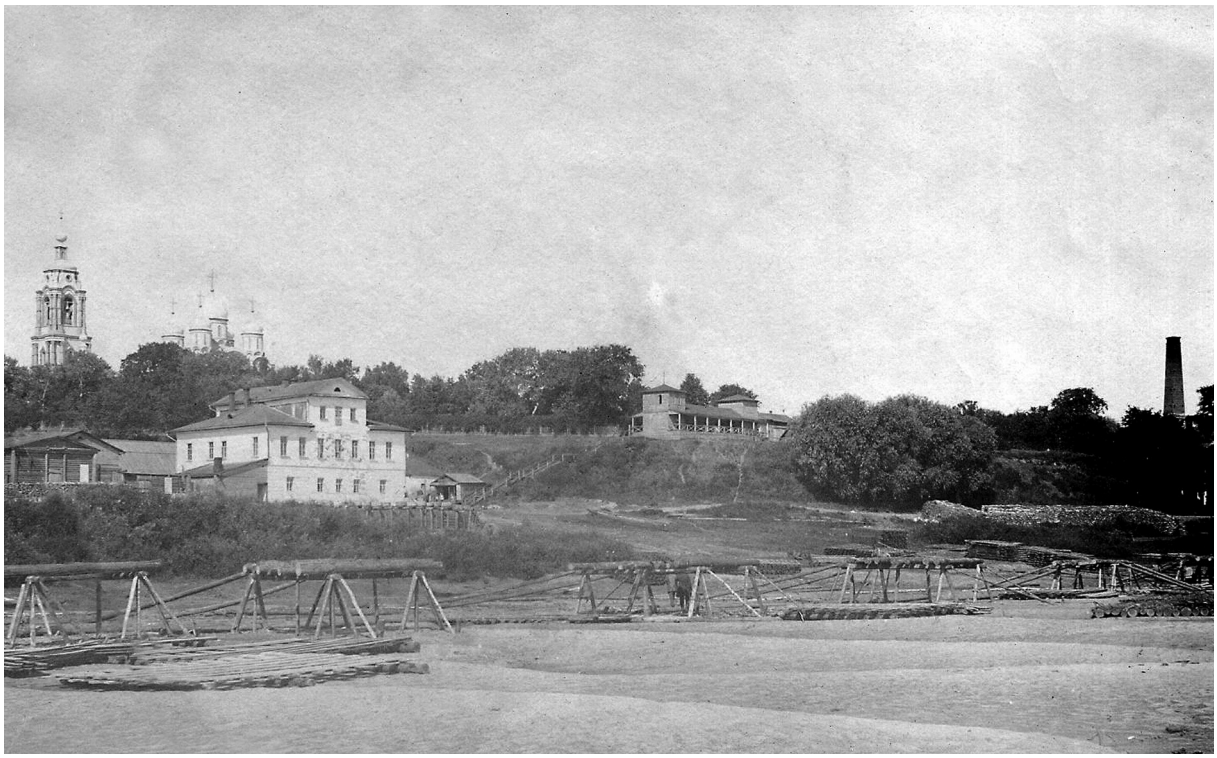

Рис. 1. Вид Мурома со стороны Оки. В центре: Воеводская (Кремлевская) гора. На заднем плане слева: Богородицкий собор в кремле. 1910-е гг. МИХМ. Ф. 6. Оп. 25. Ед. хр. 2

Существует целый ряд параметров, по которым археологи определяют, является ли обнаруженное ими поселение городом. Роль одного из важнейших признаков в этом ряду играет наличие мощного укрепления, или, по-иному – кремля. При этом, в отличие от обычного укрепленного поселения, где крепость была сугубо оборонительным сооружением, кремль играл особую роль в организации городского пространства, создании административной и хозяйственно-экономической инфраструктур, системы расселения, демонстрации символов и эмблематов светской и религиозной власти, проведения общественных мероприятий[1]. В связи с этим сложились две основные точки зрения на кремль, рассматривающие его или как изолированное стенами сакрализованное пространство, не предназначенное для постоянного проживания горожан, или же как целый город, сосредоточивавший в себе и храмы, и хозяйственные сооружения, и жилые дворы, и административные учреждения[2]. Так или иначе, кремль, по сути, является первым и основным сугубо городским сооружением; его можно назвать наиболее полновесным репрезантом города. Таким образом, становление, а в некоторых случаях и происхождение города связано с кремлем.

Сам термин «кремль» достаточно поздний, а еще раньше в течение долгого времени подобное укрепление называли «город»; таким названием и стал обо-

1 См., например: Гуляницкий Н. Ф., Куза А. В. Введение // Древнерусское градостроительство X-XV вв. – М., 1993. – С. 13; Щенков А. С. Функциональная структура городов // Там же. – С. 41.

2 Бондаренко И. А. Кремль как ядро древнерусского города // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.archi.ru/conference/thesis/kremlins/bondarenko.htm.

значаться населенный пункт определенного типа, когда вокруг «города-кремля» разрастались примыкавшие к нему жилые поселки – посады и ремесленные слободы. Потом, с усилением русского государства, на его границах и вновь осваиваемых территориях стали появляться укрепленные пункты без посадов, получившие название острогов или крепостей; крепостями стали иногда называть и кремли. К 1650 году, например, из 226 городов 160 имели дворы на посадах, а 66 были «чистыми крепостями»[3].

Предположительно можно говорить о том, что муромское городское укрепление – кремль – существовал примерно с X века[4]. Правда, едва ли не первое достоверное упоминание о нем относится только к середине XV в.: «Городская крепость, находясь в хорошем положении, 1458 г. Сентября 29 подверглась свирепости огня: кремль города Мурома выгорел весь»[5]. Некоторые исследователи считают, что кремль на Воеводской (Кремлевской) горе, который и является предметом нашего изучения, был построен здесь после XIII в., став основой города XVI-XVII вв., а до этого находился на несколько сот метров северо-западнее[6] (археологически это пока не подтверждено). Разобран же он был после 1767 года – года приезда в Муром Екатерины II, которая, отметив плачевное состояние кремля, для безопасности жителей приказала разобрать крепость[7], т. к. уже в первой трети XVIII в. кремль окончательно обветшал. Г. Коробов, составляя опись Мурома в 1723 г., о крепости более не упоминает, «может быть по ее ветхости или уже по небытности; ибо в половине 18 столетия упоминается об одной только башне». «Городская крепость, столь славившаяся твердостию стен и местоположением, видно не поддерживалась правительством», – сетует вслед за ним местный хроникер[8].

При этом следует учитывать, что в нашем климате «даже при наличии над стеной кровли и при постоянном текущем ремонте стены срок службы деревянного города… исчислялся десятилетиями»[9]; ветшал он примерно за тридцать лет. Муромский кремль, который был деревянным (в середине XVII в. каменных кремлей на всей Руси было только около двадцати, и строились они в основном на северо-западе[10]), также неоднократно поновлялся, перестраивался или отстраивался

3 Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в. – Киев, 1919. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 179.

4 Смирнов Ю. М. Муром IX-XIII веков как средневековый город // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – М.-Сыктывкар, 2006. – С. 68-80; он же. Средневековый Муром по письменным источникам // Историческая демография. – М.-Сыктывкар, 2008. – № 1. – С. 10-13; он же. Об историко-краеведческих стереотипах в изучении Мурома // Рождественский сборник. – Ковров, 2009. – С. 16-24; Смирнов Ю. М., Сухова О. А. Муромский кремль: история, мифология, иконография // Пятые Яхонтовские чтения. – Рязань, 2010. – С. 219-234.

5 Титов А. А. Историческое обозрение города Мурома // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. – Владимир, 1902. – Кн. IV. – С. 34.

6 Раппопорт П. А., Кудрявцева Т. П. Города Рязанской земли // Древнерусское градостроительство X-XV вв. – С. 122-123.

7 Тихонравов К. Город Муром, история его и древности // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. – М., 1857. – С. 81.

8 Титов А. А. Историческое обозрение города Мурома. – Кн. IV. – С. 68.

9 См.: Коробейников А. В. Новый Иднакар: очерк историко-культурной реконструкции. – Ижевск, 2006. – С. 54.

заново. С конца XI по начало XVII в. Муром не менее тридцати раз подвергался осадам[11], во время которых и горел, и бывал разрушен, и приходил в запустение после эпидемий; неоднократно страдал он и от бытовых пожаров[12]. К тому же менялась техника строительства, отрабатывались тактические приемы захвата городов, совершенствовалось оружие. Все это влекло за собой изменения в конструкции оборонительных сооружений. Так что за примерно восемь веков своего существования муромский кремль неизбежно должен был пережить многие изменения в своем облике[13]. К сожалению, ни одна из прошедших эпох не оставила полномасштабных свидетельств о том, каким был кремль. Поэтому, несмотря на то, что в контексте данного исследования нас интересует вполне определенное по времени сооружение, для его воссоздания приходится использовать те крохи, которые рассыпаны и отыскиваются в документах разных эпох.

Археологические исследования, спорадически и ограниченно проводившиеся на территории бывшего кремля, пока не принесли какой-либо информации о фортификации, за исключением пары косвенных фактов, в которых с некоторой вероятностью можно усмотреть свидетельства существования или строительства укреплений[14]. Раскопки проводились пятикратно: в 1946 г. Н. Н. Ворониным и Е. И. Горюновой (42,5 кв. м), в 1982-1987 гг. Н. Е. Чалых (208 кв. м), В. В. Бейлекчи в 1998 г. (25 кв. м) и в 2006 г. (55 кв. м) и в 2011 г. С. В. Очеретиной 150 кв. м[15]. и приплюсовать сюда разведочный шурф Ю. П. Медведева 1939 г. в 1 кв. м[16] и В. Б. Королева 1969 г. около 6 кв. м[17], то в сумме раскопанная площадь равна 496,5 кв. м при том, что общая площадь, которую необходимо обследовать в кремле, составляет не менее 1 га, т. е. вскрыто только около 5 % от необходимой поверх-

---

10 О преобладании деревянных городских крепостей на Руси вплоть до XVI в. см.: Борисович Г. В., Янин В. Л. Элементы застройки городов // Древнерусское градостроительство X-XV вв. – С. 55.

11 Смирнов Ю. М. «Русский» Муром: Очерк этнодемографических контактов за тысячу лет // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – М.-Сыктывкар, 2005. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 82-95.

12 См., например: Сазонов С. В. Из истории муромского кремля XVII века // Уваровские чтения – VIII. – Владимир, 2012. – С. 10-13.

13 Древнерусское градостроительство XVIII-XIX вв. – М., – Т. 3. – С. 186.

14 Воронин Н. И., Горюнова Е. И. Отчет Муромской археологической экспедиции АН СССР в 1946 г. // НА МИХМ. – № 343. – С. 31; Бейлекчи В. В., Родин В. В. Новые археологические исследования в муромском кремле // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. – С. 9-17.

15 Очеретина С. В. Отчет о проведении археологических работ на участке планируемого строительства досугового центра по адресу: Владимирская область, г. Муром, ул. Первомайская в границах объекта культурного наследия регионального значения «Культурный слой г. Мурома X-XIX вв.» в 2010 г. // НА МИХМ. – Б/н. – С. 3.

16 Воронин Н. Н., Горюнова Е. И. Отчет Муромской археологической экспедиции АН СССР в 1946 г.; Медведев Ю. П. «Воеводина гора» (Кремль г. Мурома). 1939 // НА МИХМ. – М-91; Чалых Н. Е. Отчет о работе Муромского отряда за 1982 г. // НА МИХМ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Ед. хр. 48; она же. Отчет о раскопках в Муроме в 1983 г. // НА МИХМ; она же. Отчет о работе Муромского отряда Владимиро-Суздальской археологической экспедиции за 1984 год // НА МИХМ; она же. Отчет о работе Муромского отряда Владимиро-Суздальской археологической экспедиции за 1985 год // НА МИХМ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Ед. хр. 97; она же. Отчет Владимиро-Суздальской экспедиции за 1986 год. – Т. III // НА МИХМ; она же. Археологические исследования в кремле г. Мурома // Задачи советской археологии в свете решений XXII съезда КПСС. – М., 1987; Бейлекчи В. В. Отчет о спасательных раскопках Археологической службы Муромского историко-художественного музея Управления Администрации г. Мурома Владимирской области в Окском парке г. Мурома в 1998 году // НА МИХМ. – Ф. 5. – Оп. 1. – Ед. хр. 90; Бейлекчи В. В., Родин В. В. Указ. соч. – С. 9-17.

17 Королев В. Б. Отчет об археологической разведке в Муромском районе Владимирской области за 1969 г. по открытому листу № 281 // НА МИХМ. – Л. 10.

ности. Культурный слой значительно испорчен как природными катаклизмами – смывами поверхности, оползнями, так и рукотворными преобразованиями XIX-XX вв. Это создает большие помехи и путаницу при датировке слоев, находок, и, соответственно, в ряде случаев лишает их необходимой достоверности. Наиболее эмоционально эту ситуацию характеризует Ю. П. Медведев: «Мощные скопления перемешанных культурных остатков…»[18]. Бейлекчи (2006) и Очеретина, проводившие раскопки в западной части мыса, вообще отмечают, что «деревние культурные напластования срезаны»[19]. С прискорбием осмелимся предположить, что по разным причинам археологические данные о кремле в объеме, необходимом для реконструкции оборонительных сооружений, вряд ли когда-нибудь появятся.

С точки зрения обороны Муром – полукруглый по структуре город – и его кремль занимали весьма выгодное положение, максимально используя все защитные свойства рельефа местности[20]. Кремль стоял на высоком («12-15 саж. над уровнем реки»[21], т. е. приблизительно 25-32 м. – *Ю. С., И. Ц., А. Г.*) холме левого берега Оки – Воеводском (Кремлевском). С востока холм спускался к реке, с юга и севера его защищали глубокие – до 30 м – овраги с крутыми откосами, с запада протекала Козья речка, выполнявшая роль рва. Ее истоком было гнилое Козье болото, лежавшее буквально в нескольких десятках метров от кремля, и стекала она в Оку по северному оврагу. В 1868 г. по распоряжению городского головы А. В. Ермакова и речка, и болото были засыпаны, причем, для их осушения срыли валы около Троицкого монастыря и использовали землю с Воеводской горы, оставшуюся от заполнения стен кремля[22].

С Кремлевского холма хорошо просматривались городские посады, выросшие из поселений славян и муромы, растянутых вдоль реки. К XVI-XVII векам протяженность Береговой улицы достигала трех с половиной верст[23]. С востока город прикрывала полноводная и широкая Ока, с юго-запада (касимово-рязанское направление) – большое Торское болото, начинавшееся километрах в трех-четырех от кремля (к настоящему времени от него осталось несколько бочажин, а на болотине выстроили заводы, железнодорожный вокзал, жилые микрорайоны). По болоту в направлении на Рязань была выстлана гать. С северо-запада Муром защищали леса, настолько дремучие, что порой свои рати блуждали в них[24]. Эти леса начали активно вырубать уже при Алексее Михайловиче[25], и успешно извели

18 Богатов И. П. Археологические памятники Муромского района и коллекции Муромского музея // Переписка об археологических исследованиях. – НА МИХМ. – № 280. – С. 27.

19 Очеретина С. В. Указ. соч. – С. 35.

20 Смирнов Ю. М. Фортификация средневекового Мурома // Сообщения Муромского музея – 2009. – Муром, 2010. – С. 5-15; он же. Монастыри в фортификационной системе средневекового Мурома // Российская провинция: история, традиции, современность. Рождественский сборник. Вып. XIV. – Ковров, 2006. – С. 33 – 40; он же. Монастыри в фортификационной системе средневекового Мурома // Саровский летописец: Материалы VII научной конференции, посвященной 300-летию со дня основания и возобновления Свято-Успенской Саровской пустыни. – Арзамас, 2007. – С. 153-162; он же. Монастыри как сакральная защита Мурома // Материалы областной научно-краеведческой конференции. – Владимир, 2008.

21 Краткий справочник по городу Мурому. – Муром, 1911. – С. 5.

22 Мяздриков И. П. Заметки о слышанном. Рукопись // НА МИХМ. – М-14217/2. – Л. 3; Смирнов Ю. М. Муром IX-XIII веков как средневековый город. – С. 68-80.

23 Титов А. А. Историческое обозрение града Мурома. – С. 41.

24 См.: Полевой П. Очерки русской истории в памятниках быта. – СПб., 1880. – С. 138.

к середине XVIII века – по сравнению с предыдущим столетием их стало в два раза меньше, а их основные массивы оказались уже за Окой, на противоположном от города берегу[26]. Но к этому времени Муром уже потерял свое оборонное значение[27]. Таким образом, наиболее опасными для города направлениями продвижения противника в теплое время года были пути по Оке и вдоль ее западного берега.

К началу XVII века Муром, пережив едва ли не все перипетии развития русского средневекового города, вне всякого сомнения, относился к типу «настоящих» городов с кремлем, посадом и слободами, и, благодаря Оке, являлся по тем временам городом крупным, важным военно-стратегическим и торговым центром. Муром был одним из городов, лежавших на громадном торговом пути из Москвы на восток, к Волге и Каспию. Ока служила не только удобной дорогой для купцов, но и являлась естественной оборонительной линией для русских земель, находившихся к северу от нее. Автор конца XV в. даже назвал Оку «поясом пресвятой Богородицы, защищающим Русскую землю от врагов»[28].

Муром был звеном этого пояса и одновременно играл роль самостоятельного укрепления, отражал набеги степняков и иных супостатов; был местом размещения полков, в случае неприятельской угрозы располагавшихся в нем[29]. Здесь же собирались замоскворецкие рати для дальних походов, как, например, в октябре 1582 года соединились войска для зимнего похода «в Казань горней черемисы воевать, что черемиса заворовалась»[30]. Здесь находились русские посадники, иногда князья с дружинами; был он и местом политической ссылки[31].

После покорения Иваном Грозным Казанского ханства в 1552 г., с укреплением южных границ страны, которые к тому же были отодвинуты еще южнее, военное значение Мурома снижается. Город был отнесен ко второй линии обороны, но при этом в нем учреждено воеводство[32]. Однако на первых порах на русские пределы продолжались набеги «незамиренных» народов Поволжья[33]. Князь А. Курбский в «Истории о великом князе Московском», пеняя Грозному, желчно

25 Трехсотлетие Дома Романовых. 1613-1913. – М., 1991. – С. 42.

26 Владимирский историко-статистический сборник. – Владимир, 1869. – С. 6, 30.

27 См.: Ряжский Г. А. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. – Владимир, 1906. – С. 5-6, 53.

28 Тихомиров М. Н. Древняя Москва. XII-XII вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV-XV вв. – М., 1992. – С. 186, 247.

29 Полосин И. И. Монастырские «объезды» Ивана IV (из истории военной политики России) // Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. – М., 1963. – С. 75; Новосельский А. А. Борьба Московского государства в татарами в XVII веке. – С. 34. О том, какие полки и когда выставлялись в Муроме на протяжении XVI в., см., например: Разрядная книга 1475-1598. – М., 1966. – С. 35, 36, 37, 65-66, 69-70, 71, 82, 83, 88-89, 92, 93, 99, 100, 102, 105-107, 112, 116, 117, 119-121, 125, 128, 130, 134-136, 147, 251, 252, 332-334, 336, 340, 341.

30 Антонов В. А. Род Ратши и предки А. С. Пушкина во Владимирском крае // Записки владимирских краеведов. – Владимир, 2004. – Вып. 6. – С. 76.

31 См., например: Пашуто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 96; Черепнин Л. В. К вопросу о роли городов в процессе образования Русского централизованного государства // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 109; Смирнов Ю. Ссыльный Муром // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГА, мемориальная деятельность: Материалы I Международной научной конференции. – Сыктывкар, 2011. – С. 44-45; он же. Муром: город на особицу (субъективные заметки о муромском менталитете). – Владимир, 2013. – С. 62-64.

32 Полосин И. И. Указ. соч. – С. 75.

33 Там же. – С. 74.

отмечает, что князья казанские и «поганые языки» воюют Казань «и на землю Муромскую и Новаграда Нижнего наезжают и пленят… Того было безпрестанне аки шесть лет после взятия места Казанскаго»[34]. Даже в 1573 г. московское правительство держало на линии Елатьма – Муром – Нижний Новгород – Шуя – Плес пять полков против казанских людей, и только в сентябре этого года в Муроме на переговорах казанцы «добили челом» государю[35].

Затем и Смутное время, все перипетии которого – голод, безвластие, бесчинства литовских и польских отрядов А. Крупки и А. Лисовского – испытал Муром («В Муроме дворян и детей боярских и черных людей многих побили насмерть», – докладывал владимирский воевода М. Вельянинов[36]), и крестьянские войны показали, что внутренние крепости еще играют важную роль в деле обеспечения безопасности государства, и забывать о них рано. Во время восстания Стеньки Разина, например, касимовский воевода, опасаясь прихода бунтовщиков, бежал в Муром, поскольку укрепления Касимова сгорели в том же году[37]. По сему поводу муромский воевода Афанасий Шеховский, с прорывающимися между строк горечью и отчаянием, писал государю в челобитной: «В нынешнем Октябре пришел в Муром в приказную избу Касимовский воевода Тимофей Караулов сказал: приехал де он Тимофей из Касимова боясь от приходу воровских людей, потому что в Касимове города и острогу нет, а уездные де всяких чинов люди в Касимов не идут а Кадом и Кадомский и Шатцкой уезды воровские люди разорили и ныне во многих местех разоряют же, и он де Тимофей, слыша от их воровских людей проход из Касимова в Муром и приехал, а от Мурома, Государь, Касимов только в семидесяти верстах, а от тово приходу воровских людей в Муроме в осаде без служилых людей быть опасно, а снаряду Государь в Муроме только одна железная пушечка небольшая да 29 мушкетов и о том снаряде я холоп твой к тебе великому государю к Москве в пушкарский приказ в нынешнем году в Октябре месяце с пушкарем Куземкою Стюфериным писал и ко мне, холопу твоему, и по се число твоего великаго государя указу небывало; и о том, что ты, великий Государь, мне, холопу своему, укажешь»[38].

Обо всем этом свидетельствуют и многие отечественные письменные документы того времени, и записи не столь частых просвещенных иностранцев-путешественников, дипломатов, волею судеб мелькнувших в Муроме по пути с Запада на Восток и с Востока на Запад. Однако прямых сведений о городских укреплениях – самом кремле – в них почти не встречается, хотя испытующе и оценивающе настроенный глаз иностранца обычно отмечает те «необычности» и «странности», которые местному жителю на его замыленный взгляд кажутся обыкновенными и обыденными.

Отметив в своих дорожных записях по большей части самые общие впечатления о Муроме, залетные иноземцы, к нашему сегодняшнему сожалению, оставили

---

34 Курбский А. М. История о великом князе Московском. – СПб., 1913. – Стб. 58.

35 Новосельский А. А. Борьба Московского государства в татарами в XVII веке. – М.-Л., 1948. – С. 29-30; Антонов В. А. Указ. соч. – С. 76.

36 Творогов О. В. Древняя Русь. События и люди. – СПб., – 2001. – С. 149; Козляков В. Н. Служилый город Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). – Ярославль, 2000. – С. 45.

37 Шишкин Н. История города Касимова с древнейших времен. – Рязань, 1999. – С. 125.

38 Тирпигорев С. Н. Стенькин гром // Исторический вестник. – 1890 г. – Июль. – С. 50-51.

крайне мало каких-либо конкретных описаний. Это и понятно: с одной стороны, заморский вояжер, как правило, проезжал транзитом, спеша по иным делам, и его пребывание в Муроме было кратким. С другой – иностранцев в «город» (кремль) не пускали, ибо каждый проезжающий гость из далеких стран – и не без основания – местными властями подозревался в шпионаже. Если бы у него по каким-то причинам обнаружили подробные заметки об устройстве крепости, навлек бы он на свою голову большие неприятности, и неизвестно, удалось бы ему сохранить эту голову на плечах... Это, тем не менее, не помешало Энтони Дженкинсону, в своих путешествиях четырежды проплывавшему мимо Мурома, в 1558 году радостно отметить в путевых записках, что выглянуло солнце, и он смог определить географические координаты города под 56°, под которыми и разместил Муром на изданной им географической карте, обозначив его символическим значком города[39] (для ср.: справочник 1911 г. приводит 55° 35′ с. ш.)[40]. Однако сам Муром (Morom) Дженкинсон лаконично называет «прекрасным»[41]. Глава шведского посольства Павел Юстен в 1570 году был отправлен русским царем в заключение в Муром, и в повествовании о своих мытарствах тоже ничего не сообщает о крепости, хотя от скуки подробно сосчитал, сколько бревен пошло на изготовление ограды вокруг дома, где он жил со своими спутниками[42]. Дон Хуан Персидский называет Муром (Morlo), который посетил в самом конце XVI в., просто «большим и многолюдным», несмотря на то, что за тридцать лет до этого, как раз в бытность в нем Павла Юстена, город пережил моровое поветрие и обезлюдел. При этом Дон Хуан сетует, что «так как мы спешили, то не могли ознакомиться с достопримечательностями этого места»[43]. Хотя на самом деле его, видимо, как иностранного чужака в кремль не пустили. Но уже в начале XVII века еще один посланник шведского короля Карла IX, путешествовавший по России в 1608 и 1611 годах, пишет о плачевном состоянии города: «В 40-ка милях к востоку от Нижнего Новгорода лежит маленькая область, называемая Муром, имевшая прежде собственных Князей и Государей, но ныне и город, и крепость разорены и принадлежат к Московскому управлению»[44].

Русские купцы и воины – а именно они, судя по всему, в XVI-XVII веках составляли основную массу проходящих, проплывающих и проезжающих через Муром, – также не блещут красноречием и описанием подробностей «городского строения». Князь А. Курбский, например, в маршруте казанского похода Ивана Грозного 1552 года всего лишь называет «место великое глаголемое Муром»[45].

---

39 См., например: Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. – М., 1974. – С. 27-28.

40 Краткий справочник по городу Мурому. – Муром, 1911. – С. 5.

41 Early Voyages and Traveles to Russia and Persia by Antony Jenkinson and others Englismens. – London, 1886. – P. 44-45; Фоменко И. К. Руссия, Московия и Владимирщина на средневековых европейских картах // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003. – С. 62.

42 Юстен Павел. Посольство в Московию в 1569-1572 гг. – СПб., 2000 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http//krotov.info/acts/16/3/1569iust.html.

43 Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599-1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). – М., 1991. – С. 176.

44 Де Ерлезунд Петр Петрей. История о великом княжестве Московском. – М., 1867. – С. 28.

45 Курбский А. М. Указ. соч. – Стб. 17.

В 1623 году московский купец Федор Афанасьевич Котов, с государственными средствами отправленный в Персию, в описании своего пути отметил, что «город Муром деревянный рубленый, стоит высоко на земляном валу… Около города высокие места, холмы. В нем много каменных и деревянных храмов и домов. За городом на луговой стороне над Окою красиво расположены посады»[46].

Наиболее полные и достоверные сведения о муромских кремлях XVI-XVII вв. содержатся в Писцовых книгах[47], Книгах городового дела 1665, 1676, 1678 годов[48], «Росписном списке по городу Мурому при передаче его воеводой Яковом Ивановичем Казначеевым новому воеводе Савве Максимовичу Горину с указанием городских укреплений, хлебных и пушечных запасов, имеющихся в приказной избе грамот и дел, приходных и расходных книг и др.»[49]. Однако и этих данных недостаточно для того, чтобы составить адекватное представление о муромской крепости того времени, в чем будет возможность убедиться чуть ниже.

Относительно часто встречаются упоминания и описания муромского кремля в различного рода топографических и статистических справочниках и материалах XVIII-XIX вв., а также в исторических очерках и зарисовках того же времени. Хотя, казалось бы, эти издания выходят за хронологические рамки интересующего нас периода и порою имеют разночтения, тем не менее, они дают весьма ценный материал, без которого задуманная реконструкция кремля едва ли была бы возможной.

Первым и наиболее известным сочинением такого рода является труд обер-секретаря Сената И. К. Кирилова, законченный в 1727 году, «Цветущее состояние Всероссийского государства». «Книга первая, в которой описаны губернии и провинции, в них городы, гарнизоны, артиллерии, канцелярии, конторы, управители с подчиненными, епархии, монастыри, церкви, число душ и разположенные полки, и доходы, как оные ныне состоят», повествует, что «Муром, город деревянной рубленой, в нем 2 башни проезжие, 4 глухих, по мере около города и башен 793 сажени с третью, стоит на реке Оке»[50], что, в общем-то, весьма слабо согласуется с тем, что было сказано о муромском кремле и до, и после этого. Г. Х. Л. Бакмейстер со ссылкой на запросные известия из Муромской воеводской канцелярии от апреля 1764 года «за подписанием коллежского Ассесора Григория Батурина» утверждает, что муромский кремль построен «на луговой стороне Оки реки на деревянной осыпи. С трех сторон окружают его глубокие рвы, а с четвертой Ока река. Мерою около его 700 сажень. Ограждение деревянное, совсем

---

46 Котов Ф. А. О ходу в персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Урзум, где корабли приходят // Временник. – 1852. – Кн. XV. Цит. по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://go.mail.ru/search?mailru=1&q=%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80+%D0%90%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87+%D0%9A%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B2.

47 См., например: Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. – Владимир, 2010. – С. 21-22; Писцовая книга г. Мурома 1636/37 г. – Владимир, 2010. – С. 24-25.

48 Книга городового дела Я. П. Загрязского, 1665 // НИИОР РГБ. – Ф. 178. – № 1394; Г. Муром. Книги городового дела. 1676, 1678 // НИИОР РГБ. – Ф. 1708. – № 1402.

49 Росписной список по городу Мурому при передаче его воеводой Яковом Ивановичем Казначеевым новому воеводе Савве Максимовичу Горину с указанием городских укреплений, хлебных и пушечных запасов, имеющихся в приказной избе грамот и дел, приходных и расходных книг и др. 1703 г. май 14 // НИИОР РГБ. – Ф. 67. – № 23. – № 47 (Фонд А. П. Горелина).

50 Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. – М., 1977. – С. 233.

развалилось»[51]. В этом описании неправильно указан берег реки, на котором стоит город: на самом деле он т. н. «нагорный», левый. Кроме того, непонятно, что такое «деревянная осыпь». По описанию Г. А. Ряжского 1784 года город «расположен на горе и по берегу реки Оки, по течению ее на левой стороне, которая называется Нагорная, а правая Луговая, и окружен он с востока лесом, а с прочих сторон полями. Окружность его 3300, долгота 2350, широта 1100 сажен. Фигура оного полуциркульная.

Разделяется на две части: 1-я называется Кремль, который окружен с трех сторон глубокими рвами, а с восточной рекой Окой…

О начале построения сего города известия не имеются, но известно, что прежде он именовался воеводским городом»[52].

И. Токмаков со ссылкой на описи 1637 и 1678 гг. представляет Муром как дубовую крепость в форме неправильного четырехугольника «с проезжими и глухими башнями, заключая 559 сажень в окружности… Крепость и башни в половине XVIII века за ветхостью разобраны. Крепость эта называлась кремлем, а иногда детинцем и даже городищем»[53]. Н. Н. Ушаков, называя те же 559 сажен в окружности, настаивает, что «крепость была окружена валом, а на валу шли две стены с башнями в три боя», и занимал он площадь в 4 дес. 2287 кв. саж[54]. Этим двум авторам вторит муромский краевед и издатель В. И. Пехов[55], и современные исследователи[56].

Сложить объемную картинку из этих отрывочных и противоречивых фрагментов весьма проблематично.

Не дают такого представления и имеющиеся изображения кремля: они или не документальны, или – являясь плодом творческой фантазии и «вариациями на тему» – не достоверны.

Ряд изображений муромского кремля представлен, прежде всего, в иконописи и миниатюрах лицевых рукописей[57]. Бóльшая часть икон иллюстрируют два житийных произведения муромского круга середины XVI в.: «Повесть о Петре и Февронии» и «Повесть о водворении христианства в Муроме» («Жития святого благоверного князя Константина и чад его Михаила и Феодора»[58]). Соответственно, и представляют они не реальный город, но легендарный, чудесный, идеально-

---

51 Бакмейстер Г. Х. Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. – СПб., 1771. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 130.

52 Ряжский Г. А. Указ. соч. – Владимир, 1906. – С. 53.

53 Токмаков И. Муром. Материалы для историко-статистического описания города в связи с церковно-археологическим обзором священных достопамятностей этого края с IX по XIX столетие. – М., 1887. – С. 8.

54 Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии / Сост. Н. Н. Ушаков. – Владимир, 1913. – С. 315, 316.

55 Пехов В. И. Муром в прошлом и настоящем. – Муром, 1913. – С. 17.

56 Гуляницкий Н. Ф. при участии Агафонова С. А. Города южной и юго-восточной частей Московского государства // Градостроительство Московского государства XVI-XVII веков. – М., 1994. – С. 187.

57 Подробнее об изображениях муромского кремля см.: Смирнов Ю. М., Сухова О. А. Муромский кремль: история, мифология, иконография // Пятые Яхонтовские чтения. – Рязань, 2010. – С. 219-234.

58 МИХМ. – Инв. № 6604, М-6607, 6643. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Мурома. – М., 2004. – Кат. 19, 39; ГИМ. – Муз. 3789; РНБ. – F. I. 832; Сухова О. А. Икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских. – М., 2006.

символический, подобный Небесному Иерусалиму[59]. Лейтмотивом в них проходит отражение строк из «Повести о водворении христианства в Муроме»: «Град Муром во дни древние создание имея стены града каменныя, и мраморныя, и того ради нарицашеся град: Муром»[60]. «Но с этим толкованием нельзя согласиться, как совершенно натянутым, – еще в начале XX века писал краевед Н. П. Травчетов, – если прилаг. мраморный (муравленный?) сближать со словом Муром, или совершенно произвольным, если объяснить последнее лат. сл. murus (стена каменная), так как было не мало и др. городов, имевших каменные стены и тем не менее носившим другие названия»[61]. И наоборот: существует множество топонимов с этим корнем, однако они обозначают объекты, у которых не могло быть стен[62]. Следует к тому же заметить, что у Мурома никогда не было не то что мраморных, но и просто каменных стен. Однако при всей мифологической и идейно-эмблематической программе изображений, далекой от сухих фактов Писцовых книг, следует отметить некоторое совпадение топографических реалий – пусть схематично, а также некоторых деталей в изображении кремля[63].

Ближе к натуральному прообразу изображен кремль на иконе «Собор муромских чудотворцев» конца XVII в[64]. Деревянная стена с тремя башнями представлена с запада, со стороны торговой площади. Крайние башни – проезжие, от них отходят мосты через Козью речку, как и задокументировано в Писцовых книгах.

Существуют и светские изображения муромской крепости, причем, сделанные с натуры. Однако степень и их достоверности невелика. Самые известные – и самые ранние – источники такого рода помещены в «Описании путешествия в Московию» немецкого ученого и путешественника Адама Олеария[65]. Естественно, что голштинское посольство, секретарем которого был Олеарий, на пути в Персию не могло миновать Муром. Однако и этих высоких гостей в город не пустили. Олеарий видел его со стороны Оки, и, судя по всему, сделал зарисовку (1636). При издании «Описания», художник, делавший гравюры по рисункам Олеария, «поправил» их по своему западноевропейскому разумению, сделав, например, стены и башни кремля каменными и добавив еще ряд деталей, характерных для европейских городов.

Такая же правка, вероятно, постигла и гравюры Н. Витсена[66], помещенные во французском издании Олеария 1719 г. Витсен рисовал русские города во время своего путешествия по Московии в конце XVII века (1665) и бывал в Муроме. Все рисунки построены по одной композиционной схеме: первый и средний план

59 См., например: Смирнов Ю. М. Город в аспекте культурологии // Столичные и периферийные города Руси и России в среднее и раннее новое время XI-XVIII вв. – М., 2003. – С. 339-345; то же // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003; то же // Смирнов Ю. М. Между мифом и реальностью: Избранные статьи. – Владимир, 2014. – С. 162-171.

60 Повесть о водворении христианства в Муроме // Памятники старинной русской литературы. – СПб., 1860. – Т. 1. – С. 229; изображения икон см.: Сухова О. А. и др. Иконы Мурома.

61 Травчетов Н. П. Город Муром и его достопримечательности. – Владимир. – 1903. – С. 2.

62 См.: Альквист А. От мурома до муураме: происхождение этнонима мурома // Уваровские чтения-III. – Муром, 2001. – С. 234-242.

63 См.: Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Указ. соч.

64 МИХМ. Инв. № 6788. 32х27. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Мурома.

65 Олеарий А. Описание путешествия в Московию в XVII в. – СПб., 1905.

66 Дьяконова Ю. Путешествие в Московию в гравюрах Николааса Витсена // Антиквариат. – 2004. – № 10. – С. 72-75.

заняты изображениями рек, причем в Муроме Ока протекает на расстоянии, гораздо большем от города, нежели сейчас. Затем представлена панорама «города на дальнем плане, за крепостной стеной встает лес церковных куполов и башен; городское пространство уплотнено – как ряды декораций, одна за другой напластовываются постройки, не лишенные, однако, узнаваемых черт»[67]. Действительно, при беглом взгляде на эти изображения Мурома, возникает сомнение, что на гравюрах запечатлен именно этот город. Однако при внимательном рассмотрении проявляются детали – и в расположении построек, и в топографии, и в рельефе – не оставляющие сомнения: это именно он. Рациональное объяснение порой находят самые невероятные и, казалось бы, невозможные в реальности элементы. Например, на гравюре Витсена за Муромом террасами простирается гряда холмов, которых в действительности не существует. Однако на этом месте часто появляются облака, на рассвете или закате поразительно напоминающие горы, за которые их и принял гравер.

Есть еще одна группа источников, и, несмотря на то, что все они поздние – XVIII-XX вв. – реконструкция кремля без них невозможна. Речь идет о топографических картах, планах, схемах. Самый ранний из них долгое время, до бесспорно справедливой его атрибуции С. В. Сазоновым как плана муромского кремля и датировки 1740-ми годами, фигурировал под названием «плана неизвестной крепости на Оке» начала XVIII в.[68] В исследованиях по градостроительству он приводился как пример осуществления принципа «открытой планировки», который «хорошо виден на чертеже… Внутри правильного прямоугольника свободно расположена соборная церковь, приходская церковь, канцелярия и несколько домов, служивших, по-видимому, для размещения гарнизона»[69]. Или, более того, в 1988 году Н. П. Крадиным в монографии «Русское деревянное оборонное зодчество» он был отнесен к деревоземляным укреплениям Засечной и Белгородской черты, которые, в отличие от городов-крепостей, расположенных на мысах у слияния рек (а именно на береговом мысу, правда, не у слияния рек, а между двумя оврагами, расположен Муром), «имели геометрически правильные конфигурации планов»[70]. Причем автор исследования не учитывал того, что план зафиксировал только половину крепости, и в данном случае «прямоугольность» его обусловлена не столько реальной конфигурацией кремля, сколько несовершенством топографической съемки, скорее всего, глазомерной.

Этот схематический план-рисунок последнего муромского кремля зафиксировал его агонию: у крепости только три стены – западная, северная и южная. С восточной стороны, выходящей на Оку, стена отсутствует. Вместо нее идет весьма примечательная надпись: «Сия городовая стена от Оки реки по мере имелась на 100 саженях, которая тому лет назад з дватцать полымя вешними водами отмыло и свалилась, которой имелось по углам по башне, в середине – башня с вороты, и в стенах и башнях бревна складные были в стопах, которые погнили»[71]. Фраза

67 Там же. – Ил. с. 75.

68 Сазонов С. В. План Муромской крепости. XVIII в. // Муромский сборник. – Муром, 1993. – С. 5-8.

69 Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. – Л.-М., 1953. – С. 184.

70 Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М., 1988. – С. 59-60.

71 Кроме указанных работ, чертеж опубликован: История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. – Муром, 2001. – С. 108. Копия конца XX в. хранится в НА МИХМ. – Б/н.

эта, по сути, является ключевой для осуществления реконструкции муромского кремля.

Известны еще два плана второй половины XVIII века, связанные с кремлем. Один, 1769 года, опубликован Н. П. Травчетовым отдельным чертежом, сделанном в масштабе «50 саженей в английском дюйме»[72]. План, как указывает публикатор, исполнен капитаном-лейтенантом В. Пыляевым, когда тот делал инструментальную съемку Мурома в преддверии разработки его регулярной планировки по екатерининскому указу «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо». Одной из особенностей этого плана являются несуразно толстые для кремля, такого, как муромский, стены – 5 саженей, т. е. от 11 до 13 метров.

Еще один план города, хранящийся в картографическом отделе МГАМИД, опубликован В. Я. Чернышевым в его прорисовке и датируется им концом XVIII века; исполнитель плана не указан[73]. На этом плане на Воеводской (Кремлевской) горе обозначены контуры кремля, совпадающие по конфигурации с контурами на плане В. Пыляева. Ни башен, ни ворот на чертеже, как и на предыдущем плане, не обозначено. Весьма примечательно, что описание этого сооружения в примечаниях к плану под литерой «А» гласит: «Земляной город или вал, именуемый Кремль внутри оного строения»[74]. Из примечания явствует, что деревянных сооружений на «валах» уже нет, но по городской привычке их еще называют «кремлем». Сами же составители плана кремлем его называть не рискуют и приводят более соответствующее определение – «земляной город». Толщина «валов» примерно такая же, как и у Пыляева: видимо, на плане обозначены не сами стены, а оставшееся и неразобранное еще грунтовое заполнение из них, к этому времени несколько расплывшееся. Очевидцы того времени принимали его именно за валы и в своих соображениях об устройстве кремля помещали на них крепостные стены. К этому времени кремль, видимо, уже не существовал, и план делался, образно говоря, «по скорой памяти». Однако здесь возникает некоторое противоречие, разрешить которое мы пока не можем. Если принять датировку С. В. Сазонова, на более раннем плане так называемой «неизвестной крепости», показана только сохранившаяся после половодья часть кремля и, соответственно, не обрушившаяся часть холма. На двух же последних планах присутствует весь холм с вписанной в него конфигурацией всего городского укрепления.

Известно также несколько планов Мурома конца XVIII – начала XX вв. На них зафиксирован регулярный город, построенный после пожаров 1792 и 1805 годов[75]; кремль на них, естественно, уже не обозначен. Для нас эти планы интересны и полезны тем, что по ним прослеживаются изменения рельефа Кремлевского холма – различия в площади его поверхности и варьирование конфигурации. Это чрезвычайно важно для нашей реконструкции, поскольку предпринимавшиеся ранее попытки «посадить» кремль на современную топоснову или вписать его в современный рельеф к успехам не привели. Об этом свидетельствует, например, попыт-

---

72 Травчетов Н. П. Указ. соч.

73 См.: РГАДА. – Ф. 192. Картографический отдел МГАМИД. Владимирская губерния. № 3 // Писцовая книга г. Мурома 1636/37 г. – С. 262-263.

74 Там же.

75 НА МИХМ. План 1780-х годов. – Б/н.; М-12212; М-12213; М-12226; М-12227; М-12313; М-12314; план 1864 г. – Б/н.

ка воссоздания кремля муромским архитектором Н. А. Беспаловым[76], выполненная достаточно произвольно. Главным в этом опыте была не попытка следовать документальным свидетельствам, а создание некоего, скорее даже умозрительного, образа. С использованием, видимо, каких-то исторических документов музейный художник-самоучка Н. Угрюмов в 1937 году написал картину, на которой изобразил муромский кремль, обозначив в названии довольно широкий временной диапазон – XVII-XVIII вв., хотя изображенные на ней крепостные сооружения более соответствуют XV-XVI вв. Позже, в 1950-е годы макет муромского кремля попытался изготовить увлеченный стариной местный художник М. К. Левин, однако несоответствие топосновы и плана кремля неизбежно привело к нарушению масштаба, и кремлевские сооружения предстали в сильно искаженных пропорциях. Приведенная в коллективной монографии «Русское градостроительное искусство. Градостроительство Московского государства XVI-XVII веков»[77] художественная реконструкция М. П. Кудрявцева по своей программе в определенном смысле ближе к изображениям на муромских иконах, чем к научным представлениям. Муромский кремль (и Муром в целом) показан здесь в соответствии с современными концептуальными установками исследователей, представляя город не столько таким, каким он мог быть в реальности, сколько таким, каким он должен был быть, если бы в идеале отразил предлагаемые тенденции градостроительства.

Летом 1768 года в Муроме один за другим побывали два известных путешественника, составлявших описание России – академики И. Лепехин и П. Паллас, которые независимо друг от друга сделали весьма ценные в контексте нашей работы наблюдения, касающиеся как раз того самого гигантского оползня, о котором сделана запись на «плане неизвестной крепости». Первый отметил: «Город Муром… построен при реке Оке, которая в восточную (при генеральном направлении течения на восток мимо Мурома Ока, делая изгиб, течет на север. – *Ю. С., И. Ц., А. Г.*) сторону мимо его протекает, впрочем, *никакого укрепления не имеет* (курсив наш. – *Ю. С., И. Ц., А. Г.*)… попадалися нам по берегу Оки в песке щепочки и прутики, обросшие черною рыхлою землею, на которой просядало белесоватое соляное вещество, имеющее едкой и стягивающий вкус. Кусочки сии были для нас ниткою, по которой мы добралися до клубка. Городской берег Оки, будучи ежегодно подмываем водою, разселял такие куски по берегу. Верхний слой оного, как то обыкновенно, состоял из огородной рыхлой земли; по нем следовали песчаные слои и суглинок, между которыми находился слой синеватой черной земли, содержащий в себе помянутую соль. Он был толщиною не более четверти, а инде и менее. Действие солнечных лучей вытопляло местами из земли соляное вещество, которое на подобие скорлупы покрывало слой. Такой слой земли простирался сажен ста на два, начиная от перевозного взъезда даже до глубокого буерака, разделяющего город, где он кончится, и по краю буерака вдоль ни каких не видно оного следов, за буераком паки показывается и продолжается сажен на сто, до тех самых мест, где городское кончится строение. В слое сем местами видны большие бревна и переклады, около которых солена земля пред другими местами избыточествует. Едкий, прохлаждающий и стягивающий вкус без дальних опытов довольно показывал, что она содержала в себе селитру и купорос, а светлосиняя

76 См.: История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца XX века. – С. 110.

77 Гуляницкий Н. Ф. при участии Агафонова С. А. Указ. соч. – С. 188.

земля с просядающею по соленой скорлупе желтиною тем более о купоросе уверяла. Рождение сего соляного вещества не действие природы, но бывшему в городе пожару, превратившему в пепел набережное строение и *городскую деревянную стену, которая точно на сем месте стояла* (курсив наш. – *Ю. С., И. Ц., А. Г.*)»[78].

П. С. Паллас описал особенности местного рельефа так: «Город Муром… построен на высоком левом береге Оки, и прорыт глубокими дождевыми ручьями… Текущая излучиною к городу и весною усугубляющая свое стремление от прибылой воды река повсягодно отрывает часть от высокого берега, на котором стоит город, и отчасти оставляет на здешних мелях, а отчасти приносит к другому низкому и в весеннее время водою покрытому берегу. Престарелые жители еще запомнят, что прежде сего город простирался до того места, где теперь находится средина реки (ср. с расположением Оки на гравюре Н. Витсена. – *Ю. С., И. Ц., А. Г.*), и что между снесенными водою строениями находилась церковь. И ныне еще река ежегодно подрывает жилые домы, и многие из оных стоят на самом краю подрытого берега столь близко к погибели, что требуется к тому отменная смелость, чтобы в оных еще жить. Да и некоторые публичные строения, так же две церкви и один монастырь уже находятся в очевидной опасности; чего ради и стараются соблюсти оные насыпью щебня и булыжника на низком берегу, хотя и можно бы очень легко отвратить оную опасность посредством насаждения ив по всему берегу, который берег размывает водою по причине, что самые нижние и ненаносные слои берега состоят отчасти из мелкого на полсажени толщиной лежащего песку, а отчасти из мягкого ила, который легко может вода размывать и уносить, почему должны обваливаться и подмытые высокие турфовые слои[79], подошву города к берегу возвышающие.

Посредством сих турфовых обвалившихся глыб, состоящих из гнилых щеп, дрязгу[80], согнивших трав, навозу и соломы, и помощию сделанной новой насыпи возвышен жилой берег до четырех сажен. В сей насыпи видны полусгнившие сваи и бревна обвалившихся домов, и много всяких костей; а в обвалившемся при церквах береге находятся снаружи старые гробы и человеческие кости.

Под настоящею турфовою насыпью, которая в иных местах до пяти аршин толщиною, лежит от двух до трех футов толстый слой чернозема или согнившей земли, которая хотя и не имеет глиняного существа, однако… распадается на не порядочные глыбы. Примечания достойно, что сей слой, а особливо в середине, во всех хлябях и щелях наполнен голубою пылистою и легкою железные частицы в себе содержащею землею, худой лазори вид имеющею. Сия голубая земля в хлябях цветом темнее, нежели снаружи: но она только там произошла, где поверх или в самом черноземе находятся отчасти малые до четырех дюймов толстые слои, а отчасти превеликие глыбы легкой, сухой светлосерой и в пыль претворяющейся земли. Находящиеся в ней угли, и местами лежащие в турфовой насыпи обожженные бревна служат доказательством, что оное ни что иное есть, как старая выщелоченная зола, и что соли упомянутой золы уповательно произвели голубую землю из железных частиц иловатой и турфовой земли. По догадкам можно слой иловатой гнилой земли почитать за старинную подошву прежде бывшего города,

78 Записки путешествия академика Лепехина. – СПб., 1821. – Т. 1. – С. 39, 54-56.

79 Турфовые (торфовые) – верхние наносные слои из перегнивших растений.

80 Дрязг (здесь): сор, прутья, листва, тростник, сушняк, нанесенные водой.

по разрушению которого произошли зольные кучи; а напоследок от насыпания щебня и щеп основание возвысилось, и сделалась турфовая насыпь»[81].

С учетом этих описаний становится ясным и характер разрушений, причиненных оползнем, и то, почему некоторые информанты помещают город «на деревянной осыпи», трактуя ее как валы[82], и структура, а в некоторой степени и стратиграфия, культурного слоя. Замечание Палласа о том, что «река повсягодно отрывает часть от высокого берега», позволяет предположить, что в береговой черте Мурома и ранее случались оползни, может быть, не такие масштабные. Это объясняет упоминание «осыпей» в Писцовых книгах[83], причем, когда говорится не только о кремле (составители упоминают, например, об Ильинской церкви, стоящей «в осыпи на берегу реки», или приводят такую фразу: «В Муроме ж на посаде в осыпи и за осыпью»[84]).

Как выглядела Кремлевская гора после катастрофических «полых вод», можно представить по имеющимся изображениям, близким ко времени события. На двух рисунках Курбанина (XVIII в.)[85], сделанных, судя по различиям в деталях, в разное время, но вскоре после катаклизма, отчетливо видны следы свежих оползней на южном, восточном и северном склонах горы. При воспроизведении рисунков в мелком масштабе откосы на южном склоне даже напоминают крепостные стены. Южный откос на литографии А. Дюрана (1839) также настолько крут, что к этому времени – прошло почти сто лет – еще не порос травой и также напоминает издали крепостную стену, а Богородицкий собор в кремле стоит почти на краю обрыва[86].

Совершенно очевидно, таким образом, что воссоздание облика кремлевской части Мурома следует начинать с реконструкции Кремлевского холма. Наложение девяти прорисовок поверхности, сделанных с разновременных планов и современных снимков из космоса, показали, что имеется устойчивая тенденция к уменьшению ее площади. Визуальное сравнение рельефа на гравюрах Олеария и Витсена с рельефом на рисунках Курбанина и Дюрана, свидетельствуют, что в XVII в. восточный склон холма был более протяженным и пологим. Рельеф, сформированный к сегодняшнему дню, образовался за счет неоднократной нивелировки поверхности, проведения благоустройства территории, строительных работ и работ по сносу зданий, попытки устройства на северном склоне в середине шестидесятых годов прошлого века террасного парка, отсыпки смотровой площадки на восточной оконечности. Об изменении рельефа свидетельствует и то, что на восточной оконечности холма наиболее мощный – до 4 м – по сравнению с данными остальных раскопок культурный слой. Здесь на глубине 155-205 см от современной дневной поверхности обнаружен очень плотный слой щепы и древесных остатков практически без примеси грунта. «Происхождение этого слоя…

81 Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб., 1809. – Ч. 1. – С. 52-54.

82 См., например: Травчетов Н. П. Указ. соч. – С. 84.

83 Например: Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. – С. 21.

84 Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. – С. 21-22; Писцовая книга г. Мурома 1636/37 г. – С. 24-25.

85 Курбанин. Вид Мурома (рис. кон. XVIII в.; копия Н. Г. Добрынкина кон. XIX – нач. XX вв.); Курбанин. Старый Муром (рис. кон. XVIII в.; копия Мяздрикова, кон. XIX – нач. XX вв.). НА МИХМ.

86 Дюран А. Вид г. Мурома с Оки (1839) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusbibliophile.ru/Book/Rives_de_l'Oka:_Vue_generale__

может быть увязано только с крупномасштабным и недолговременным строительством, которым в хронологическом диапазоне находок могло быть строительство муромского деревянного кремля в XI в.»[87]. Это слой при проведении современных земляных работ был зафиксирован почти на всей оконечности и может свидетельствовать, с одной стороны, о работах по осушению водяных линз в теле мыса[88], с другой – об использовании строительных отходов для нивелировки местности.

Как уже отмечалось, до последнего времени, основываясь на Писцовых книгах, муромский кремль считали построенным в форме четырехугольника[89], неправильного, вытянутого по оси В-З. Действительно, в конце XV – начале XVI вв. форма прямоугольника (или правильного многоугольника) получает четкое выражение в русском градостроительстве. К этому времени, говорит один исследователь, «с переходом от пассивной обороны к активной, с развитием огнестрельного оружия, с устройством раскатов и башен для флангового обстрела округлая форма крепостной ограды теряет свои преимущества и предпочтение получает четырехугольная форма укрепления, а при значительных размерах города – многоугольная (полигональная). Хотя на конфигурацию стен по-прежнему оказывают большое влияние топографические условия, теперь в каждом конкретном случае выбор определенной конфигурации является уже компромиссом между ними и четырехугольником (или полигоном)»[90]. Другой придерживается такой же точки зрения: «С появлением артиллерии возникла потребность в большей геометричности укреплений, увеличилось число башен. Кремли теряли мягкие криволинейные очертания трассировки городских стен»[91].

О построении правильного многоугольника на муромском Кремлевском холме речь даже не идет; это обусловлено формой холма. Но совершенно очевидно, что четырехугольников, построенных по размерам, обозначенным в Писцовых книгах, можно построить множество. Однако ни один кремль такой формы не вписывается ни в один из контуров холма[92].

По современной топографии можно определить угол схода западной и южной стен: он равен примерно 70º. Приняв за реперную линию визуально наименее измененную современную улицу Первомайскую, по которой протекала Козья речка (параллельно ей шла западная стена крепости), получаем возможность постро-

87 Бейлекчи В. В., Родин В. В. Указ. соч. – С. 13.

88 Там же. – С. 14.

89 См., например: Травчетов Н. П. Указ. соч. – С. 34; Гуляницкий Н. Ф. при участии Агафонова С. А. Указ. соч. – С. 187; Чернышев В. Я. Социоэкономическое развитие города Мурома в первой четверти XVII в. // Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. – Владимир, 2010. – С. 6; об этом см: Смирнов Ю. М. Вероятность реконструкции и реконструкция вероятности (об историко-краеведческих стереотипах в изучении Мурома) // Уваровские чтения – VII. – Владимир, 2011. – С. 308-319; он же. Краеведческие мифы в изучении истории Мурома // Многогранный мир муромской культуры. Гладковские чтения: материалы III. – Муром, 2014. – С. 27-29.

90 Тверской Л. М. Указ. соч. – С. 54.

91 Кудрявцев М. П., Щенков А. С. Городская застройка // Древнерусское градостроительство. – С. 224.

92 Подробнее об этом см.: Смирнов Ю. М., Баранов А. А. Реконструкция плана муромского кремля XVII века // Сообщения Муромского музея-2010. – Владимир, 2011. – С. 5-28; они же. К вопросу о реконструкции муромского кремля первой половины XVII века // Рождественские чтения – XVIII: Российская провинция: история, традиции, современность. – Ковров, 2011. – С. 6-14; они же. К вопросу о реконструкции плана муромского кремля первой половины XVII века // Яхонтовские чтения. – Рязань, 2012; Смирнов Ю. М. Этапы реконструкции муромского кремля XVII века // Город средневековья и раннего Нового времени. Археология. История. – Тула, 2013. – С. 153-160.

ить достаточно жесткую конфигурацию сооружения. В этом варианте план кремля имеет форму неправильного семиугольника, который образовывали семь изломов стен, обусловленных строением рельефа местности. По очертаниям он близок к плану В. Пыляева, с той только разницей, что на плане 1769 года угол схождения стен у Спасских ворот составляет 65°, а на нашей схеме оптимальное расположение кремля на холме выстраивается при угле в 75°. При этом семиугольная схема по сравнению с четырехугольной дает выигрыш в площади около 2000 квадратных саженей. Исходя же из того, что «как правило, в городах, построенных или реконструированных в XVI в. господствовало еще подчинение формы крепости топографическим условиям», по форме крепости была скорректирована конфигурация Кремлевского холма[93].

Несмотря на то, что к концу XVII в. Муром уже не имел своего прежнего военного значения, в 1678 г. муромская крепость была выстроена заново вместо сгоревшей в 1671 г. по тому же плану[94].

Описание строительства, самой крепости, а также перечень ушедших на ее устройство материалов и занимавшихся работами людей содержатся в «Книге городового дела г. Мурома за 1678 г.»[95]. Документ, на который нам любезно указал С. В. Сазонов, хранится в научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Столь подробные сведения о кремле, которые мы приводим ниже, позволяют соотнести их с реконструированными планом крепости и рельефом места ее расположения.

Книга городового дела г. Мурома за 1678 г.

«Лета ЗРПS года февраля в I день по государеву цареву и великого князя Федора Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца указу и по грамоте из Пушкарского приказа за приписью диака Феодора Леонтьева воевода Семен Иванович Беклемишев в Муроме по старой городовой описи город зделал муромцы посадцкими и уездными всеми сошными людми по платежным книгам з живущих четь и которые после писцов вновь поселились, а то что городового дела проезжих ворот и глухих башен и городовой стены делал и кто с кем в деле городовом списан и каков город зделан, проезжие ворота и глухие башни и стены городовые и поскольку на воротах и на башнях и на стенах обламов, а то писано в сих книгах и перечень зделан в последней тетраде.

Ворота Спасские, штистенные, поперек полушесть сажень, делал вотчины великого господина святейшего Иоакима патриарха Московского и всея России села Ярымова и селы из деревнями з девятнадцати четь с осминою да розных помещиков и вотченников крестьяне Федора да Якова Варыпаевых деревни Уголной, деревни Копнины, деревни Сидоровской с трех четь без полосмины, Ивана Дурасова села Урванова с чет без третника, Петра Дурасова с племянником с чети без четверика, Ивана Манамахова деревни Усаду с полосмины, Данилы Дурасова да Андрея Гляткова деревни Касикова с чети, Федора Протасьева села Урванова с осмины с четвериком, Алексея Карачева селца Чабышева да деревни Кузмины з дву четь с осминою без полполтретника, Федора Черникова деревни Степановой

93 Тверской Л. М. Указ. соч. – С. 55.

94 Сазонов С. В. Из истории муромского кремля XVII века. – Уваровские чтения – VIII. – Владимир, 2012. – С. 10-13.

95 Книга городового дела города Мурома 1678 // НИОР РГБ. – Ф.178 (Музейное). – № 1402.

с чети, стольника Петра Васильевича Шереметева сельца Пертова, деревни Болотниковой с трех четь без полосмины; Ильи Мертвого деревни Усад с осмины без полтретника, Ивана Копнина селца Нова, да Федора Караулова, Семена Снискова с осмины; Андрея Мертваго да Ивана Хаменева с осмины с полтретником; Симана да Иева Языковых с осмины с четвериком. Всего с тритцеть с пять четь.

От Спаских ворот по башню, что от Козья болота в прясле десять городен с полугороднею мерою тридцать пять сажень. В том же прясле делали розных коменщиков и вотченников тринадцать сажен с полуарщином: Никиты Владычкина деревни Алешкова з деревнями, Василья Секерина деревни Можайкина с четь, Василья Бологовского сельца Лукина с осмины без малого третника, Семена Старого деревни Месникова, Афонасья Кровкова деревни Поповки, Юрья Секерина деревни Панской, Ивана Волжинского с трех полосмин, Федора Вердеревского деревни Ивашкова да деревни Конопева, Ивана Безобразова деревни Курбатова с четь без малого третника, Юориса Осорьина села Свята с полосмины, Калистрата Пестрого, Ивана Зубова, Ивана Кропотова сельца Семынь с осмины с полполтретником, Констентина Милославского села Гришина с чети, Льва Никулина села Гришина ж з деревнями с трех четь с полполтретником, Василя Никифорова сельца Ростригина с полосмины. Всего с осмии четь, с трех полосмин и малого третника да Григорья Василисова сельца Лукина с осмины без малого третника.

А подле тех списных людей того прясла делали живоначальные Троицы Сергеева монастыря приселка Замотрия з деревнями с четырнадцати четь с полосминою двадцать одна сажень с полусаженью.

Башня от Козья болотца четверостенная. Поперек башни три сажени. Делали вотчины боярина князя Никиты Ивановича Одоевского Замотренской его волости села Ростригина з деревнями с осмнадцать четь.

От той башни по Никольские ворота что от базару в прясле десять городен мерою тридцать шесть сажень. Того прясла делали розных вотченников и помещиков крестьяня: Стефана да Федора Плещеевых з братьями села Кавардицы и села Святец з деревнями, Тимофея Савелова деревни Степашкова с пяти четь с полосминою, Стефана Плещеева сельца Переложникова с осмины без четверика, Михаила Плещеева сельца Савкова с четь без третника князя Ивана Григорьева сына Лыкова сельца Лопатина с четь без полполтретника, Семена Микулина села Урванова с полосмины без малого третника Федора Плещеева сельца Кривиц з дву четь без полполтретника, Офонасья Плещеева сельца Грибкова с трех поосмин без малого третника, Григорья да Богдана Романовых в Холкове с осмии с четвериком. И всего десять четь с осминою и с полполтретником.

Того же прясла девять сажен с четвертью делали розных вотченников и помещиков крестьяня: Селиверста Столыпина сельца Белков аз деревнями с чети с четвериком, Карпа Васильева да Петра Опраксиных села Петроково с третника, Василья да Тимофея Ивашевых сельца Олеева с чети с осминою, Михаила Полева деревни Коровьи Головы с чети без полутретника, Гаврила Ломского деревни Мордвинова да з жеребья сельца Салы Большие с осмины с полтретника, Григорья да Кирила Оснанучиных села Петракова с полосмины и сполполтретника, Стефана да Гаврилы да Василья Борисовых сельца Юрьева да сельца Покровского с осмины и с полполполтретника, Ивана Ильина сына Пансырева да Максима да Трофима да Ивана Пасыревых сельца Пансырева с чети, Стефана Ивашева сельца Охъева да деревни Соболева с чети без полполполтретника, Михаила Мещерино-

ва да Леонтия да Ивана да Стефана Мещериновых сельца Запруднова да деревни Горохова с чети, Петра Дурасова сельца Петрова да деревни Угримова да деревни Нова с чети с полосминою, Ивана Лупандина деревни Боронина с полчетверика вдовы Ографены Яковлевской жены Лупандина деревни Борониной с четверика вдовы Оксинии Дмитриевской жены Ивашева деревни Пошатова с осмины, Михаила да Ивана Борисовых сельца Юрьева с четверика, Матвея Ивашева деревни Рогова с полтретника Посника Огарева деревни Бабухова с осмины с четвериком, Ивана Тевящева сельца Хвосцова с чети без четверика, Софрона Хитрово деревни Офонасова с третника, Офонасья да Стахея Дурасовых деревни Митина да деревни Угримова с чети. Всего с тринадцати четь с третником.

Ворота Никольские, что против базару штистенные, поперек полушесть сажен, делали великого государя стародубские и перепуруцкие волости села Яковкова и села Погосту с селы и з деревнями с тридцати пяти четь.

От тех Никольских ворот по первую башню, что против Поледной горы стены городовой в прясле одиннадцать городен мерою сорок сажен делали розных помещиков и вотчинников крестьяне: княгини Анны Васильевны князь Петровы жены Альмузича Черкасского села Драчева з деревнями з девяти четь бес третника; Григорья да Матвея да Никиты да Митрия Колычевых с чети с полосминою; Михаила Аристова села Ширяева с осмины без полутретника; Михаила да Осипа Савиных сельца Савина с осмины с четвериком. Всего з десяти четь с трех полосмин.

А подле тех драчевских крестьян и разных помещиков и вотченников того же прясла и башню дватцать полторы сажени делали боярина князя Ивана Алексеевича Воротынского села Мошку с приселки да села Климова з деревнями с четырнадцати четь с осминою без четверки.

Башня глухая четверостенная что против Поледной горы. Поперек башни три сажени. Делали боярина князя Ивана Алексеевича Воротынского крестьяне тех же сел с приселки с осмнатцать четь.

От той башни по другую башню против Поледной же горы стены в прясле десять городен с полугороднею мерою тритцать шесть сажень делали боярина князя Никиты Ивановича Одоевского с трех четь с осминою и с малого третника да вотчины живоначальные Троицы Сергеева монастыря з дву четь с четвериком да розных помещиков и вотченников крестьяне: Михаила Филиппова деревни Кривой с четверика, деревни Боицова с трех полосмин; Петра Протасьева деревни Псиловы с осмины, деревни Мусины с четверика; Леонтия Киселева деревни Скрыпиной с чети с полосмины; князь Феодора Болховского деревни Папулина с чети без малого третника; Савина Арапова жеребья села Просениц деревни Волосова, с половины деревни Митина с чети с полосминою и без малого третника; стольника и полковника Матвея Кравкова с трех осмин; Ивана Кравкова сельца Бердишева же с трех осмин; Ивана Панкратьева сына да Ивана Миронова сына да Матвея Алексеева сына Кровковых деревни Князева с осмины; Федора Бредихина сельца Лесника; Якова Свищева, Леонтия Копнина с чети; Данилы Юматова сельца Лесникова; Никифора Репьева да Никиты да Артамона да Федора Репьевых сельца Савкова с чети; думного дьяка Григорья Караулова да Тимофея да Петра Карауловых села Ивонина да села Тучкова да села Захарова с трех четь; Ивана Костылева села Петрокова с третника деревни Озорной с трех полосмин. И всего дватцать четыре чети.

Башня четверостенная, другая, против Поледной горы. Поперек той башни три сажени. Делали тою башню князя Михаила Яковлевича Черкасского вотчины ево села Карачарова да села Панфилова с селы и з деревнями с семинатцети четь с осминою с четвериком.

От той башни до полубашеня стены в прясле полсем городни, мерою дватцать сажен и с полусаженью делали розных вотчинников и помещиков крестьяне: Дмитрия Осорина деревни Бабурины с полосмины; Села Дубасова деревни Лавен с полосмины; Дмитрия Лупандина сельца Чауру с полполтретника; Якова Пушкина деревни Кошинки да Турловки с полосмины; Ивана Языкова с Волнина и с Приклону с полполтретника; Нехорошева Юматова в рогове с четверика; Стефана Наготкина сельца Молотиц с полтретника; Никиты Колынского деревни Окшова с полосмины; думного диака Григорья Караулова с полосмины; Ивана Лукина сельца Кочергина с осмины; Ивана Осоргина сельца Сухмен с чети без третника; Ивана Загорина з братьями в Савинском с полполтника; Луки Нагаткина сельца Молотиц полтретника; Григорья Варыпаева сельца Елина с третника, сельца Барзакова с полосмины; Пантелея Чиркова з жеребья села Клина да села Боровиц з деревнями з дву четь; Стефана Борисова з деревнями с трех четь с осминою и с малым третником.

Полубашня дву сажен с четвертью делают розных помещиков и вотчинников крестьяне: Ивана да Захарья Ароновых сельца Просениц с чети с полосминою и с малым третником; Бориса Макарова сельца Макарова с полтретника; Симана Олфеева деревни Жегалова с полосмины; Ивана Камынина деревни Васильева с полосмины; Василья да Пркофья да Максима Репьевых сельца Шульгина да сельца Хоробриц с чети; Дмитрия да Богдана Юматовых сельца Левина и деревни Дьяконова да деревни Подболотной да деревни Бабурина да деревни Роговой с чети с осминою и с малым третником. Данилы Осминина сына Дурасова сельца Микулина с чети без полутретника деревни Максимовки с осмины без малого третника; Никиты Языкова в Юромке с полполтретника. Герасима Дурасова сельца Зарослова с осмины без полполтретника. Петра да Терентья Лукиных в Осташкове Кутарино то ж с осмины. Ивана да Стефана Середнева Оксентьева деревни Ивановской с полполтретника. Федора Юматова с сельца Кондакова с чети с четвериком и с полполтретником.

От тех списных … от полубашени до третей башни от Поледной горы в прясле стены восемь городен мерою двадцать пять сажен с полусаженью делали муромцы посадские люди с семинадцати четь.

Башня третья против Поледной горы четверостенная, поперек башни три сажени. Делали посадские ж люди с осмнадцати чети.

От тои башни до четвертои башни против Поледной же горы в прясле стены одиннадцать городен мерою тридцать девять сажен делают посадские ж люди з дватцати з дву четь без полполтретника да с ними ж делают села Яковлова да села Пурока з деревнями с трех четь и с трех полосмин с полполтретником и всего з дватцати с пяти четь с трех полосминъ.

А под тем пряслом таиник от колодезя в длину до выходу пятнадцать сажен а поперег две сажени. Делали таиник муромцы посадские и уездные все сошные люди со всех живущих четь.

А подле таиника башня четверостенная против Поледной горы. Поперег башни три сажени. Делали посадские ж люди с осмнатцати четь.

От тои башни по наугольную Никольскую штистенную башню стены в прясле восемь городен мерою дватцать восемь сежен делали посадские ж люди из девятнатцати четь без третника.

Башня наугольная против Николы чюдотворца Набережного штистенная поперег полупять сажени. Делали посадские ж люди з дватцети с семи чети без третника.

От тои башни до водяных ворот в прясле стены семь городен мерою дватцеть шесть сажен. Делали посадские ж люди с семнатцети четь с третником.

Ворота водяные от Оки реки штистенные. Поперег полупять сажени. Делали посатские ж люди с тритцети с пяти четь.

От водяных ворот на наугольную Кузмодемьянскую штистенную башню в прясле стены полосмы огородин, мерою дватцеть две сажени. И того прясла от ворот десять сажен делали посадские ж люди с семи четь без третника. И всего посадские люди делали со ста с осмидесят четь с полосминою.

А подле посадского последнего дела того ж прясла двенатцать сажен делали уездные прихоцкие попы великого государя дворцовых стародубских волостей села Иаковцова села Вачи с приселком да села Пурока со штинатцети приходов с причетники и со крестьяны и з бобыли.

Башня наугольная, штистенная, против Козмы и Домьяна. Поперег тое башни пять сажен. Делали приходские попы с посаду и со всего уезду с осмидесят с осмии приходов да с ними делали Благовещенского монастыря, что в Муроме на посаде бобыли с семи дворов, да Николы чюдотворца Бутылицкие пустыни бобыли ис з двунатцати дворов а в сошном писме в живущих четвертях не написаны.

От Кузмодемьянцской башни по первую башню против Богатыревой горы в прясле стены одинатцать городен мерою тритцать семь сажен. Делали великого государя дворцовые стародубские и пурецкие волости с селы и з деревнями з дватцети с четырех четь с осминою и с четвериком.

Башня четверостенная первая против Богатыревы горы. Поперег тои башни три сажени. Делали теж великого государя дворцовые и Яковцевские и Пуредцкие волости с селы и з деревнями крестьяне с осминатцети четь.

От тои башни по другую башню от Богатыревы горы в прясле стены одиннатцать городен, мерою тритцать сажен с аршином. И того прясла от башни осмнатцать сажень с полусаженью и с поларшином делали розных вотченников и помещиков крестьяне Думного дворянина Ивана Ивановича Чаадаева села Стрижна з деревнями с пяти четь с полосминою и с полчетверика без малого третника. Субботы Чаадаева с племянники села Стригина з деревнями с чети с полосминою и с четверика. Алексея Тороватова деревни Горбуши с осмины. Думного дворянина Андрея Васильевича Толстого сельца Кесова з деревнями с чети с полосминою. Дмитрия Алфимова деревни Кирикова с чети с осминою. Ивана Павловича Матюшкина деревни Левонды з деревнями с чети с полосминою. И всего с одиннатцети четь с четвериком и с малым третником.

А подле тех списных людей того ж прясла делали помещиковы и вотчинниковы крестьяне двенатцать сажен. Князь Федора Долгорукова села Малышева с чети. Ильи Грязева да Гаврилы Глебова с чети без третника. Давыда да Ивана Грязевых деревни Маланьины з дву четь без полосмины и без малого третника. Назара Заседцкого села Булатникова з деревнями. Того ж села Булатникова думного диака Василья Семенова да Ивана Бахметова с трех четь с оминою без полпол-

третника. Обрама да Бориса Осоръиных села Лазарева с чети без малого третника. Всего с осмии четь.

Башня четверостенная другая против Богатыревы горы. Поперег тои башни три сажени. Делали розных вотченников и помещиков крестьяне. Князь Стефана Львова сельца Завелева с осмины. Ивана Елизарова да Савы Елизарова села Булатникова с трех четь с осминою. Ивана Сьянова сельца Савина з дву четь с осминою без полполтретника. Князь Федора Львова сельца Санчюра Князь Филата Дулова, Савы Чюбарова, Андрея Чюбарова, Дмитрия Плещеева, Феклиста Любовникова с трех четь с полосминою. Боярина Михаила Ивановича Морозова села Синжан з дву четь с полосминою и с полполтретником.

Петра да Ивана Опраксиных сельца Васильева да деревни Копнино с чети. Ивана Кропотова з братьями села Репина с чети. Ивана Аристова с племянники сельца Петряева с чети с третником и с полполполтретником. Ивана Копнина деревни Подболотны с третника. Князь Алексея Петровича Прозоровского села Дмитреевых Гор с чети с третником. Федора да Осипа Мертвых деревни Усады с чети. И всего с осмнатцети четь.

От тои башни по третью башню от Богатыревы в прясле стены двенатцать огороден мерою тритцать три сажени. И того прясла от башни делали розных вотчинников и помещиков крестьяне. Семена да Григорья Шишковых села Ковардиц с селы и з деревнями с трех четь с полосминою. Князь Ивана Болховского сельца Тургенева с осмины с полполтретником. Стольника и полковника Матвея Кравкова сельца Головенцова с трех четь с осминою. Петра да Никиты Поровлевых сельца Чеванина с чети с полтрутником. Леонтия Плотцова с третника. Володимира Чиркова села Клина с чети с третником. Петра Чиркова села Клина с чети без малого третника. Князь Федора Долгоруково деревни Мартынова да Якова Чиркова села Клина с трех полосмин. Александра Шедринского, Трофима Киселева с чети с осминою. Ивана Языкова, князь Федора Щербатова приселка Курмыша с чети с малым третником. Всего с четырнатцати четь с полполтретником.

Того ж прясла да башни десять сажен с полсаженью делали розных помещиков и вотчинников крестьяне. Ивана Черткова села Александрова с деревнями с трех четь без четверика. Гаврила да Стефана Чиртковых села Котличь да Манакова з дву четь с полосминою. Василья Чирткова села Котлич и Манакова с чети с осминою и с третником, деревни Харино с полосмины из малого третника. И всего со шти четь с осминою и с полтретником.

Башня четверостенная, третья против Богатыревы горы. Поперег башни три сажени. Делали розных помещиков и вотчинников крестьяня. Стольника Ивана Васильевича Бутурлина села Голенищева с деревнями с четырех четь с третником. Якова Пушкина села Шаиского с селы и з деревнями со шти четь. Ионы да Бориса Леонтьевых з дву четь с полосминою и с малого третника. Дмитрия Булгакова деревни Шедрины с чети. Афонасья Аристова деревни Исуновы с осмины без малого третника. Симонова монастыря села Загарина, Оленино тож с чети с третником. Ивана да Ивана ж Лихоревых деревни Чевакиной с третника да села Чюди с полполтретника. Князь Дмитрия Волхонского сельца Спаского с чети с полутретником. Федора Борисова да Ивана Шмакина с осмины с четвериком. Михаила Хомякова Языкова деревни Растовца с полосмины. Стефана Савина села Чюди с четверика. И всего с осмнатцети четь.

От той башни по четвертую башню в прясле стены полдевять огородин мерою дватцать девять сажен с четвертью. И того прясла до башни делали розных помещиков и вочинников крестьяня. Богдана да Тимофея Власьевых села Казнева з дву четь без полосмины и без полполтретника. Стольника князь Ивана Борисовича Троекурово села Ляхов да стольника Ивана Якова села Степанкова з деревнями с четырех чети без полполтретника. Спасова монастыря деревни Михайлова з деревнями с одинатцети четверти с осминою и без четверика. Дьяка Богдана Силина сельца Ратуева с чети с осминою. Рождественского монастыря деревни Пестенкина с осмины. Стольника Никиты Хитрово села Григорова да Ермолая Мясоедова деревни Старинок с чети. И всего з девятнатцети четь.

Башня четверостенная четвертая противу Богатыревы горы поперег башни три сажени с аршином. Делали Борисо и Глебского монастыря крестьяне з десяти чети с полутретником, Благовещенского монастыря села Денятина с осмины с полполтретником да розных помещиков крестьяня Трофима Киселева села Сетчины з дву четь без полутретника. Ивана Кикова сельца Окулова с четверика. Офонасья Бредихина сельца Межищ с осмины и с четвериком. Ивана Языкова того же сельца Межищ с третника. Семена Ивлева деревни Ольховки с осмины. Савы да Семена да Ондрея Борисовых да Стефана Соколова с чети и с малого третника. Замятни Языкова сельца Покровского с полосмины. Думного диака Семена Титова села Кошелева с чети с осминою. Федора Бехметова села Санчюра с третника. И всего с осмнатцети четь.

От тои башни по Спасские проезжие ворота в прясле стены одиннатцать городен мерою тритцать три сажени с аршином. Делали вотчины живоначальные Троицы Сергеева монастыря села Дубров с приселки и з деревнями з дватцети з дву четь с полосминою.

И всего в Муроме городового дела трои проезжие ворота с вышками для вестовых колокол. А зделаны ворота штистенные до обламов по сороку венцов а обламов по десяти венцов. Одиннатцать башен глухих, две башни наугольные штистенные до обламов по сороку венцов а обламов по десять венцов. А в четверостенных в девяти башнях до обламов рублены по тритцети по пяти венцов, обламов по осми венцов.

Полубашеня да стена городовой промеж ворот и глухих башен четырнатцать прясел мерою четыреста семдесят четыре сажени с полусаженью.

Городовая стена рублена в две стены. Промеж стен ширина две сажени. До обламов по дватцети венцов а обламов по осмии венцов.

Бревенного соснового лесу в трех башнях штистенных, проезжих воротах да в двух наугольных глухих башнях штистенных пятьсаженных две тысячи дватцать бревен.

В глухих в девети башнях четверостенных две тысичи двести семьдесят восем бревен получетверти сажени. И обаего четыря тысичи двести девяноста восемь бревен.

В четырнатцети пряслах четыре саженных десять тысичь пятьсот сорок пять бревен.

Полутретья сажени пять тысячь семьсот тритцать семь бревен.

И обаего шеснатцать тысяч двести восмдесят два бревна.

И всего в башнях и в городовых стенах дватцать тысичь пятьсот восмьдесят два бревна. А тот бревенной лес в отрубе в отрубе в сем и в пол и в шесть вершков.

А под теми городовыми башнями и стенами постилон дубовой лес две тысичи двести десять бревен, в отрубе в шесть и в полсена вершка.

На пяти башнях штистенных тесу четыресаженных и на вышках тысича семьсот пятьдесят тесниц.

На девяти глухих четверостенных башнях тесу ж четыре саженных полутретья сажени тысича девятьсот восемьдесят четыре тесницы. И на всех четырнатцети башнях тесу три тысичи семьсот тритцать четыре тесницы в тех же башнях однотесных гвозде шеснатцать тысич пятьсот четыря гвоздя а двое тесу то ж.

И всего в четырнатцети башнях тритцать три тысичи девять гвоздей.

Промеж ворот и глухих башен на четырнатцети пряслах тесу двенатцать тысич восмь десят три тесницы.

А в тех кровлях гвоздья однотесу двенатцать тысич восемьдесят три гвоздья.

Двоетесу дватцать четыря тысичи сто шестьдесят шесть гвоздей.

И обаего однотесу и двоетесу тритцать шесть тысичь двести сорок девять гвозден.

В таиник пошло бревенного лесу сосноваго и дубоваго четыряста пятьдесят два бревна.

Ворота и башни и стены городовые крыты в два теса в зубец.

И всего города кругом под воротами и под башнями и под полубашеньем и под стенами меж башен пятьсот тритцать две сажени.

А делали город все сошные люди всякои в своем лесу собою и наемными плотниками и крыли город своим же тесом и гвоздьем потому, что уездные люди к лесному приему целовальников не дали, бревен и тесу принимать было некому.

А подряжали сошные люди городовых подрятчиков под городовое дело з бревны и с тесом и з гвозди и с работою с чети в сем и в пол осма рубли сами собою.

Семен Бекле…

А в недоделке того города осталось муромцав посадских людей тритцать две сажени недокрыто…

РПЕ года февраля в I день таковы книги прислал Михаила Вырубов»[96].

Но даже такой, казалось бы, очень подробный документ оставляет множество вопросов, связанных с деталями сооружения. Неясной, например, остается форма воротных проемов, место их расположения на гранях шестиугольных башен; форма, количество и расположение боев (они, например, могли быть горизонтальными, вертикальными, круглыми); наличие и устройство внутренних переходов в стенах и башнях; конструкции лестниц, ограждения боевых ходов с внутренней стороны города, крыши, ворот и запоров, мостов, смотровых площадок «со звоны», «тайника» – подземного хода к источнику воды за пределами крепости – и входа в него, киотов для надвратных икон. В процессе реконструкции эти элементы восстанавливались или по расчетам использованного для их постройки материала, или по аналогии с конструкциями иных известных сооружений того времени, или посредством логических построений. Например, совершенно очевидно, что горизонтальные бои в стене деревянного кремля наиболее технологичны по исполнению. Практически во всех этих ситуациях существуют варианты.

96 Там же. – Л. 30-60.

Еще в Писцовой книге г. Мурома 1636/37 г. было зафиксировано, что крепостная артиллерия, «зелье» и припасы к ней хранились в подклети кремлевского Богородицкого собора[97]. Весь арсенал артиллерийского и огнестрельного оружия в то время был довольно мощным и вместе с затинными и ручными пищалями насчитывал 121 ствол[98]. Оружие было разных видов и калибров. Объясняется это не столько необходимостью разного вида огня при ведении боевых действий, сколько тем, что городские крепости обеспечивались, как правило, артиллерией, отслужившей свой срок в полевых войсках. Пожар 1671 года нанес вооружению кремля невосполнимый ущерб. Ко времени строения нашего кремля, т. е. в 1678 году, в артиллерийском парке числилось «10 пушек железных горелых изогнутых без станков, к стрельбе не годятся… Пушка железная небольшая в целости без станка» и 8 затинных пищалей без станков. В дальнейшем арсенал не пополнялся[99].

В некоторых описаниях имеется указание, что город имел две стены[100]. Тем не менее, это не означает, что в кремле был детинец или существовало две линии обороны. «Двумя стенами» в этом случае называют не два самостоятельных укрепленных защитных рубежа обороны, а конструкцию объема городских стен: за внешней бревенчатой стеной на некотором отдалении (в нашем случае – на расстоянии в 2 сажени, т. е. около 4,3 м) шла еще одна, внутренняя, связанная с внешней бревенчатыми же перемычками – «перерубами». Пространство между ними заполнялось грунтом. Верхняя часть сруба с боевыми ходами была несколько выдвинута вперед, образуя нависающий выступ, террасу (отсюда и ее русское название – «тараса»). Между выступом и основанием стены шла длинная щель – «облам», позволяющая сверху, с боевого хода, простреливать пространство, вплотную примыкающее к стене; таким образом решался вопрос ликвидации «мертвого», не простреливаемого пространства. В стене боевого хода устраивались «бои» – бойницы для обстрела противника на подступах к крепости.

Чаще всего в крепостях бои располагались в трех уровнях: подошевном (нижнем), среднем и верхнем. Нижние бои порою устраивались действительно в самом низу, у подошвы стены, и нередко предназначались для артиллерии, но в любом случае для подошевного боя в стенах деревянного кремля надо было устраивать специальные боевые каморы. Собственно низовые бои и по ранним Писцовым книгам, и по позднему изображению на «плане неизвестной крепости» были в башнях, но сведений об устройстве в них боевых камор тоже нет. Остальные бои распределялись выше по вертикали, обеспечивая прострел осадного пространства на протяжении всего подступа к стенам укрепления.

Три уровня боев было и в муромском кремле. Однако никаких сведений о сооружении боевых камор нет ни в описании строительства, ни в описании кремля. Судя по более позднему изображению на плане «неизвестной крепости», «нижние бои» размещались на уровне боевых ходов стены. В этом случае часть функций нижних боев – будь они у подошвы стены – как раз и брали на себя обламы.

97 Писцовая книга г. Мурома 1636/37 г. – Владимир, 2010.

98 Михайлов А. А. Городовая артиллерия Мурома и Суздаля в XVII веке // Уваровские чтения – II. – М., 1994. – С. 121.

99 Там же. – С. 122.

100 Росписной список по городу Мурому… – Л. 1; Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. – С. 315; Пехов В. И. Указ. соч. – С. 17.

Шесть нижних венцов стен и башен муромского кремля были сложены из дубовых бревен диаметром 6,5 вершков (ок. 30 см). Остальная часть строения из хвойных пород дерева – «елевая» и сосновая диаметром 28,9 см.

При построении кремля использовались бревна разной длины: максимальная длина бревна в городнях – 8,6 м (прясла между Никольской глухой башней и Водяными воротами), а минимальная – 6,47 м (прясла северной стены).

Прясла стен связывали 14 башен и одну полубашню. Башни крылись шатрами из теса. Полубашня по сути представляла собой башню, но только в высоту стены. Одиннадцать глухих башен – две шестиугольных и девять четырехугольных располагались следующим образом: на изломах стен – три, на пряслах – шесть, на углах – две. Три шестиугольные башни – Спасская, Никольская 1-я (Базарная), Водяная были проездными, т. е. имели ворота, через которые можно было попасть в кремль. Спасская башня соединяла южную и западную стены кремля, и от нее через мост надо рвом дорога вела к Спасо-Преображенскому монастырю, почему она и получили название Спасской. Над ее воротами, по городскому преданию, висела икона Спаса Нерукотворного, ныне хранящаяся в Муромском историко-художественном музее[101]. 1-я Никольская, она же Базарная башня, соединяла западную и северную стену. Выход из нее через перекинутый над оврагом мост вел на городской торг, где стояла Николо-Зарядская церковь. Можно с достаточной долей вероятности предположить, что ее надвратной иконой был один из изводов образа св. Николая. Третья воротная башня – Водяная – называлась так, потому что выходила к Оке в центре восточной стены. На шатрах всех трех проездных башен помещены караульные площадки (вышки) с вестовыми колоколами.

Две глухие непроезжие шестиугольные башни завершали фланги восточной стены, соединяя с ней примыкающие северную и южную стену. По ближайшим находившимся к ним церквям башня в юго-восточном углу именовалась Козьмодемьянской, в северо-восточном Никольской 2-й (от Николо-Набережной церкви).

Восемь городен северной стены в прясле от полубашни до следующей глухой башни в направлении Базарных ворот имеют значительно меньшую длину, чем остальные. Это, видимо, свидетельствует о заметном перепаде высот в этой части рельефа.

Высота стен кремля достигала 8,5 м, шестиугольных башен – 22-23, четырехугольных – 20. Диаметр Спасской и Никольской 1-й (Базарной) башен составлял ок. 12 м, Водяной и Никольской 2-й – ок. 10, Козьмодемьянской – ок. 11 м.

Несмотря на то, что эпоха деревянных городских укреплений в России подходила к концу, в 1678 году в Муроме был достроен весьма мощный по тем временам кремль, сооруженный с учетом инженерно-фортификационных требований. О последнем свидетельствуют и шестиугольные башни, и полубашня.

---

101 МИХМ. Инв. № М-6666. 113х103 см. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Мурома. – С. 178-180. Кат. 23.

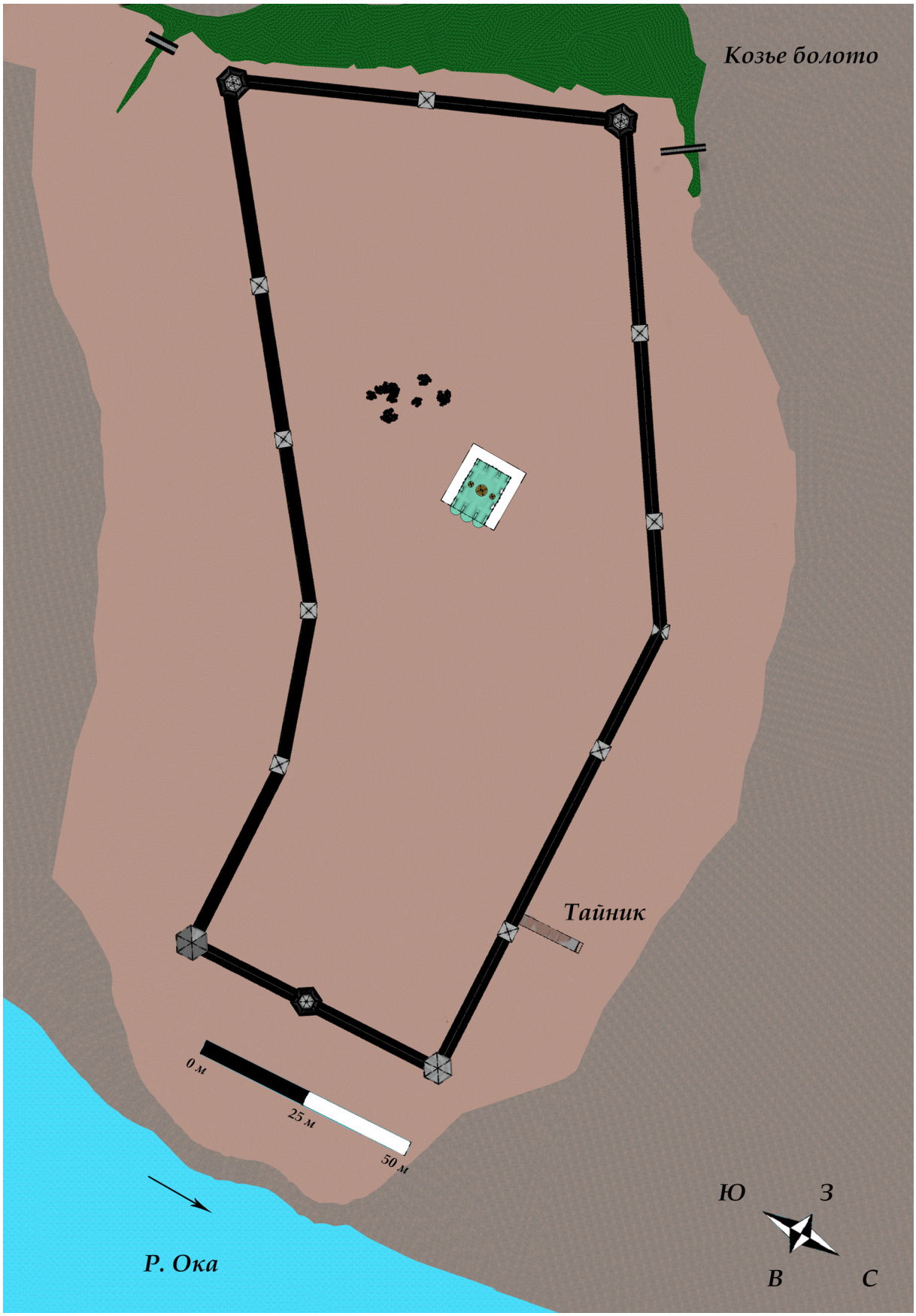

Рис. 2. Муромский кремль 1678 г. План. Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

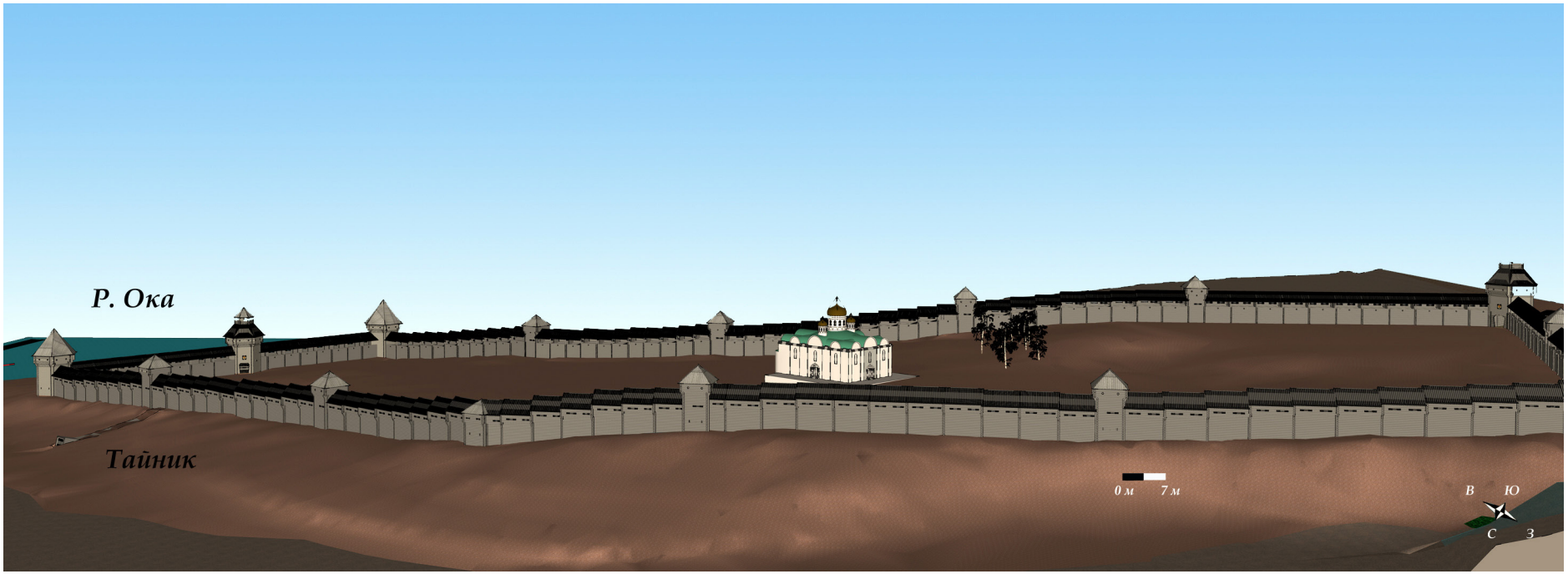

Рис. 3. Муромский кремль 1678 г. Вид с севера. Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

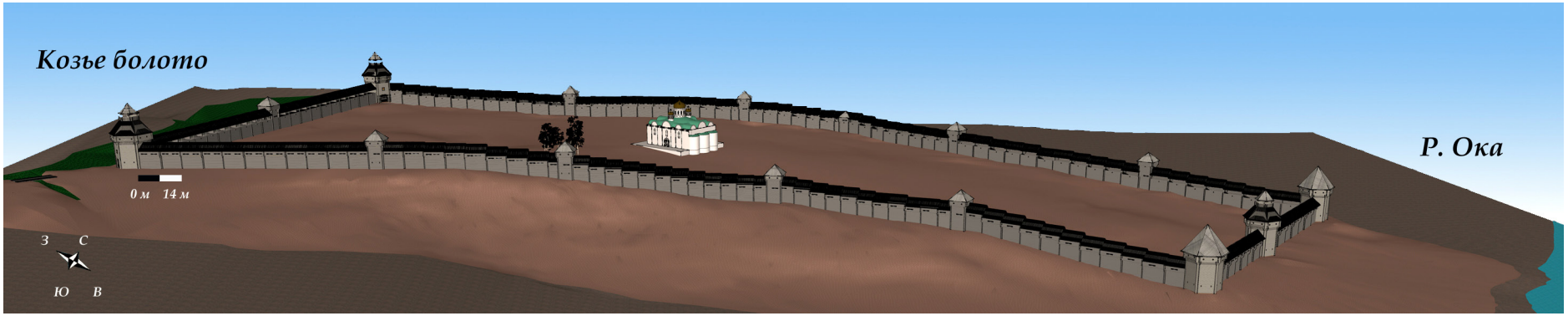

Рис. 4. Муромский кремль 1678 г. Вид с юга. Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

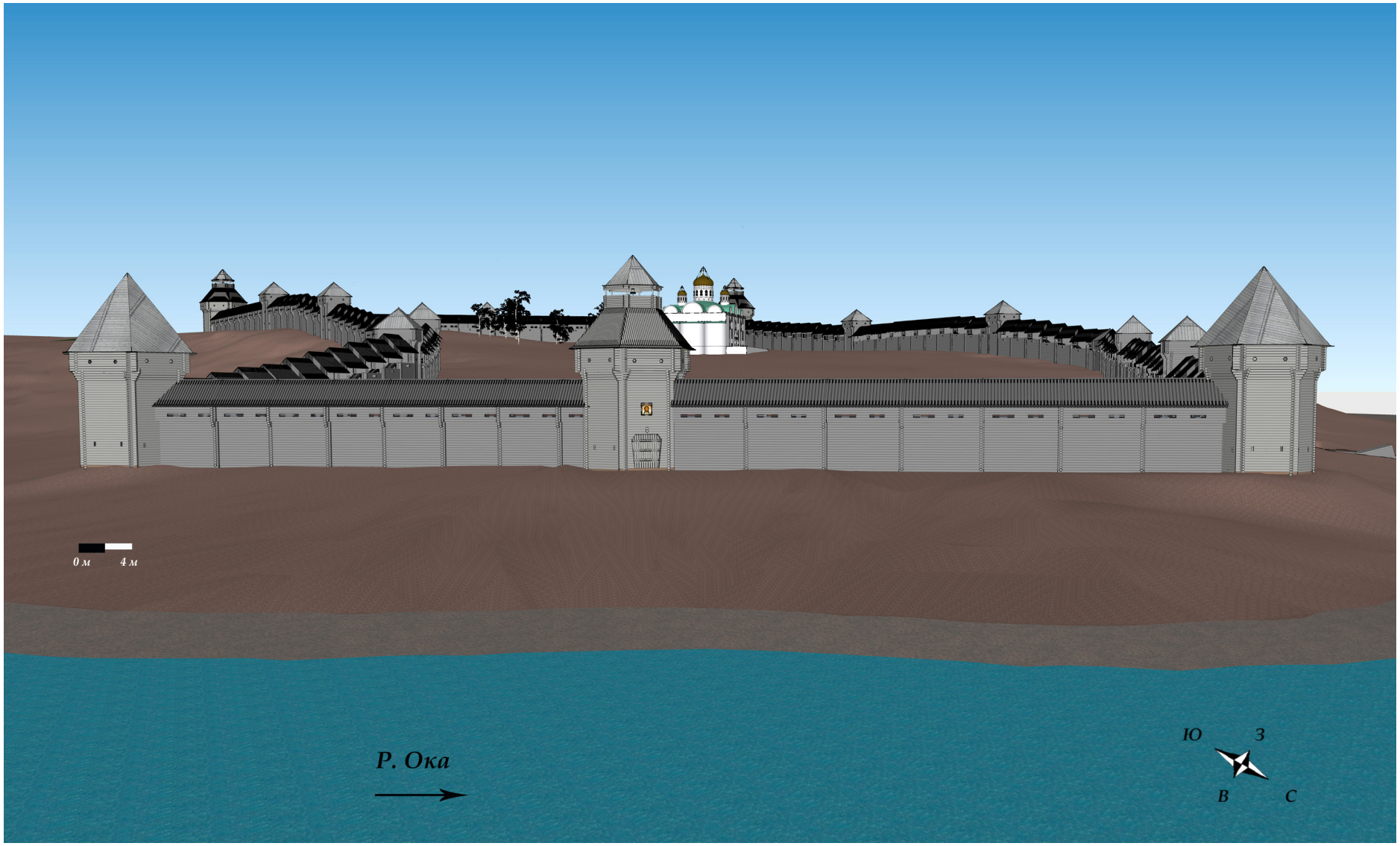

Рис. 5. Муромский кремль 1678 г. Вид с востока. Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

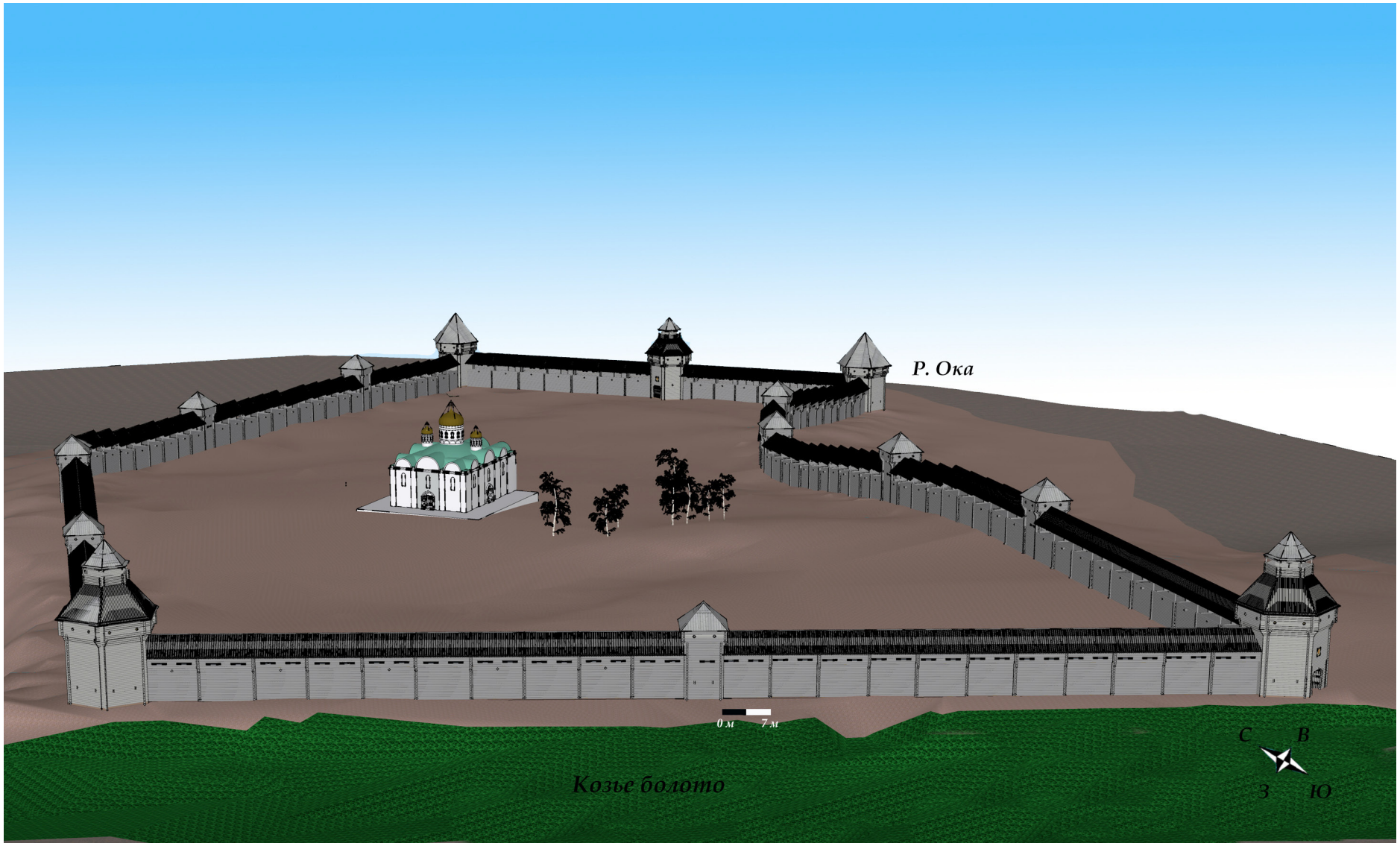

Рис. 6. Муромский кремль 1678 г. Вид с запада. Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

Рис. 7. Муромский кремль 1678 г. Глухая шестистенная башня. Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

Рис. 8. Муромский кремль 1678 г. Глухая четырехстенная башня. Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

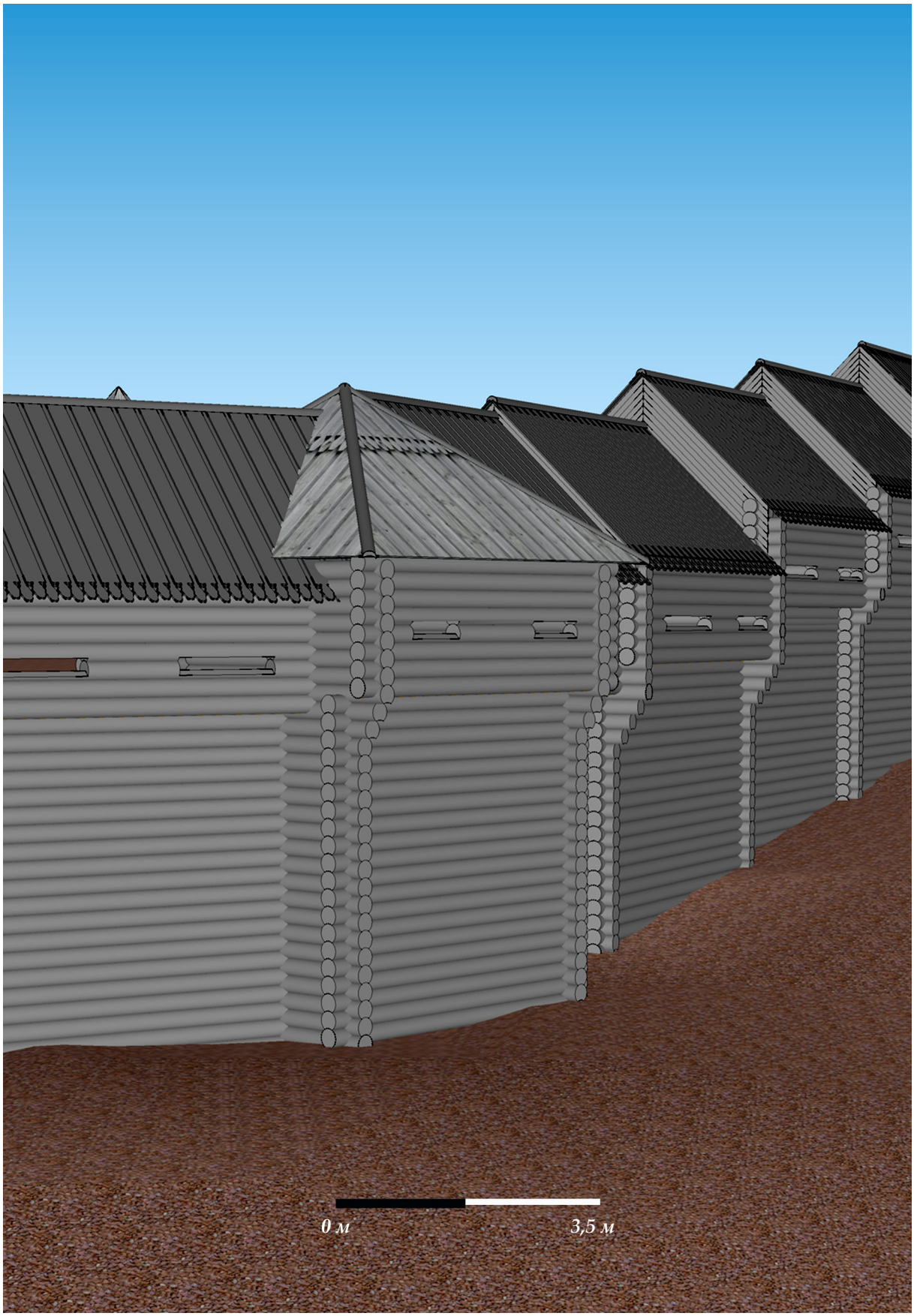

Рис. 9. Муромский кремль 1678 г. Полубашня. Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

Юрий Михайлович Смирнов
Илья Александрович Ценилов
Анна Алексеевна Горская

РЕКОНСТРУКЦИЯ МУРОМСКОГО КРЕМЛЯ 1678 ГОДА

Редактор Т. Б. Купряшина

Компьютерная верстка А. А. Горская

Авторских листов 2,2
Усл. печ. листов 4,7
Отпечатано в ООО «ВИТ-принт»

При поддержке гранта Президента Российской Федерации 2013 г.